

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Материалы XIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых, посвящённой памяти Г. И. Рихтера
Донецк, 30 марта 2026 года
Электронное текстовое издание

Донецк
Изд-во ДонГУ
2026

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2026
ISBN 978-5-00262-009-8

УДК 811.161.1'1(062.552)
ББК Ш12=411.2я431
Н766

Новые горизонты русистики [Электронный ресурс]: материалы XIII Международной научной конференции студентов и молодых ученых посвящённой памяти Г. И. Рихтера; **Донецк, 30 марта 2026 года**/ФГБОУ ВО «ДонГУ»; [отв. редактор д-р филол. наук, проф. Теркулов В. И., канд. филол. наук, доц. Н. В. Гладкая (ответственный секретарь), ст. преп. А. С. Бурляй (технический редактор), канд. филол. наук, доц. Н. П. Курмакаева, канд. филол. наук, доц. М. Г. Евсеева, канд. филол. наук, доц. М. Н. Панчехина, канд. филол. наук, доц. А. Н. Стебунова, ст. преп. Е. Н. Станкус, доц. А. И. Бровец, доц. В. А. Рязанова]. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 75 с. — URL: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5265>. — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

В сборнике материалов XIII Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвящённой памяти Г. И. Рихтера, объединены работы, в которых рассматриваются актуальные проблемы лингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологии, лингворегионалистики, ономастики и поэтонимологии, литературоведения и лингвистического анализа художественного текста, языка интернета и СМИ, школьной и вузовской лингводидактики. Представленные в сборнике материалы адресованы научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам филологических специальностей и журналистам

ISBN 978-5-00262-009-8

Рецензенты

Головачева Ольга Алексеевна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Филатова Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей Донецкого государственного университета.

За содержание статистической и фактологической информации несут ответственность авторы публикаций.

УДК 811.161.1'1(062.552)
ББК Ш12=411.2я431

ISBN 978-5-00262-009-8

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2026

ХIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых,
посвящённая памяти Г. И. Рихтера
«**НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ**»

Ответственный редактор: **Теркулов В. И.** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Ответственный секретарь: **Гладкая Н. В.** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Технический редактор: **Бурляй А. С.** — старший преподаватель кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», младший научный сотрудник;

Редакционный комитет: **Курмакаева Н. П.** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Евсеева М. Г. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Панчехина М. Н. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Стебунова А. Н. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Станкус Е. Н. — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», младший научный сотрудник;

Бровец А. И. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник;

Рязанова В. А. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «ДонГУ», старший научный сотрудник.

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

Брусницына Н. Д.	Труд и здоровье как взаимосвязанные ценностные доминанты (на материале комментариев в блогах)	6
Веренева Ю. Ю.	Конструкции со значением меронимии в предметной области «нейронные сети»	8
Дзыцюк А. С.	Анализ лексики современной деловой речи (в школьном обучении)	10
Жуйкова А. С.	Выражение «отец нации» в истории русского языка	13
Канцыпа С. А.	Метафоры в текстах песен современных исполнителей (на примере Green Apelsin)	15
Немчинова Л. А.	Военная лексика: от первой мировой войны до современных реалий	17
Русакова Ю. Е.	Лексико-семантические аспекты формирования медиаобраза советского регионального руководителя в современных омских СМИ	19
Тюрина В. В.	Крылатые выражения в современном публицистическом дискурсе	21
Федорова А. А.	Современный интернет как среда функционирования русского языка	23

Дискурсология и генристика

Байдала Д. С.	Лексика диалектного происхождения в региолекте г. Омска	27
Лобанова А. Е.	Лексико-семантическое поле «земля» в языковой картине мира дончанина	29
Шевченко М. А.	Номинация процессов приёма пищи в донецкой речи	31
Шведченко П. Р.	Соотношение этического и манипулятивного аспектов эвфемизации в донецких публицистических текстах военной и социально-бытовой тематики	33
Яковлева В. А.	Способы актуализации диалектной лексики в общерусском языке на примере междометия ля	35

Методика преподавания русского языка и литературы

Здоренко А. Э.	Русский язык как основа социокультурной адаптации иностранных курсантов в условиях военно-инженерного вуза	38
Титова В. Н.	Воспитание героических качеств у молодежи на примере эпического произведения «Песнь о Бадыноко»	39
Шишко С. А.	«Повести Белкина» А. С. Пушкин: методика изучения в средней школе	42

Словообразование и грамматика

Борозенец Д. И.	Словообразовательное гнездо с вершиной судить как элемент семантического поля когниции	45
Газаты М. А.	Понятие об абброконструктной группе (на примере группы «бух» — бухгалтерский	47
Емельянова К. Ю.	Принципы описания окказиональных эквивалентов	49
Чернощёкова В. П.	Формальные модели образования аббревиатур названий высших учебных заведений	50
Чистоклетова А. В.	Аббревиатурная парадигма: типология отношений между конструктами	53

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Алтухова А. А.	Лингвокультурный типаж «советский солдат» в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин»	56
Гринько Е. А.	От «натюрморта» к «нерд-арту»: эволюция жанровых обозначений как отражение смены культурных доминант	58
Лаврикова Е. В.	Психолингвистический портрет Кити Щербацкой в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	61
Ошейко С. П.	Гоголевский код в структуре образа героини рассказа Г. И. Успенского «Обстановочка»	63
Привалова К. Д.	Концепция токсичной маскулинности в контексте анализа литературных персонажей мужского пола	65
Резанович В. Г.	Имя как культуроносный знак в научно-популярной литературе белорусских писателей	67
Сивак М. Ю.	Антропозтонимы автобиографической прозы белорусских писателей	69
Судакова А. П.	Особенности функционирования этнокультурной лексики в художественном тексте	71

Лексикология и стилистика

УДК 811.161.1'42

Н. Д. Брусницына © 2026

*Уральский федеральный университет;
Уральский государственный педагогический университет
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова)*

ТРУД И ЗДОРОВЬЕ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ В БЛОГАХ)¹

Ключевые слова: блогерский дискурс, дискурс комментариев, лексико-семантическое поле, синтагматический анализ, аксиология, труд, здоровье.

Целью исследования является когнитивное моделирование ценностных концептов ТРУД и ЗДОРОВЬЕ, представленных в дискурсе комментариев к блогам на видеохостинге YouTube.

Для проведения исследования нами был собран корпус, насчитывающий 534 микротекста, ключевая тематика которых — «труд». Единицей анализа выступает микротекст, равный одному комментарию.

ЛСП «Труд»: ядро поля — ЛСМ «Процесс труда», околядерная зона — ЛСМ «Оплата труда, ближняя периферия — ЛСГ «Те, кто трудятся вместе», «Тот, кто трудится», «Тот, кто руководит работой», дальняя периферия — ЛСГ «Прекращение трудовых отношений», «подневольный труд».

Когнитивные признаки концепта ТРУД, присутствующие в поле, смоделированном на базе комментариев, соотносятся с признаками, выявленными В. П. Синячкиным (ценность «труд» тесно связана с материальным достатком) [Синячкин, с. 283], М. А. Ереминой (труд требует затрат усилий) [Еремина, с. 25], Чжан Юфань (ядро поля образует ЛСГ «Процесс труда», на периферии находятся лексемы, имеющие негативную семантику (рабство, каторга, тяготы) [Чжан Юфань, с. 449]). Отличительной особенностью репрезентации концепта ТРУД в комментариях является частотная номинация лиц, вступающих в деловые отношения («Те, кто трудятся вместе», «Тот, кто трудится», «Тот кто руководит работой»). В комментариях пользователи часто делятся личными историями и событиями, произошедшими на работе, где непосредственными участниками выступают лица, занимающие ту или иную должность, а поскольку критерием распределения ЛСГ в поле является частота словоупотреблений в микротекстах, слова, обозначающие людей, находящихся в трудовых отношениях, будут составлять ближнюю периферию.

В 88 микротекстах (16,4% от общего числа контекстов) параллельно с тематикой труда эксплуатируется тематика здоровья. Смоделированное на основе данных микротекстов ЛСП «Здоровье» имеет следующую структуру: ядро — ЛСГ «Нормальное состояние организма», ближняя периферия — ЛСГ «Медицинский работник», «Ухудшенное состояние организма» и «Место по поддержанию здоровья, дальняя периферия — ЛСГ «Процесс восстановления здоровья».

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-01168 *Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров*, <https://rscf.ru/project/25-28-01168/>

Сопоставляя когнитивные признаки концепта ЗДОРОВЬЕ, выявленные в данном исследовании, с признаками, выявленными в других работах, можно обозначить следующие сходства: в обоих семантических полях, составленных в данном исследовании и в исследовании Т. А. Золотаревой, в ядре находится лексема здоровье [Золотарева, с. 76]; как и в исследовании Пенягиной, на периферии оказывается ЛСГ «Признак изменения состояния» (именуемая в нашем исследовании «Ухудшенное состояние организма») [Пенягина, с. 157], однако в семантическом поле, составленном на основе анализа Национального корпуса русского языка, данная группа находится на дальней периферии, а в поле, составленном на основе анализа комментирующего дискурса, на ближней. Отличительной чертой поля «Здоровье», составленного на основе анализа комментариев, так же, как и в случае с полем «Труд», является наличие на ближней периферии семантической группы, лексические средства которой обозначают лицо. Это можно объяснить часто используемой повествовательной формой изложения в микротекстах как характерной чертой комментариев как жанра.

Нами были обнаружены лексические средства, которые находятся на пересечении полей «Труд» и «Здоровье», поскольку в их значениях соседствуют, сближаются соответствующие семы, что можно показать через процедуру формулирования развернутой дефиниции. Такие номинации объединены нами в следующие семантические множества: «Время, свободное от работы, способствующее восстановлению здоровья» (*выходной (39), отпуск (31), обед (28), больничный (13), перерыв (9)*), «Процесс тяжелого труда, негативно сказывающегося на здоровье» (*пахать (36), перерабатывать (23), батрачить (6), каторга (1)*), «Ухудшение здоровья из-за работы» (*депрессия (22), стресс (16), выгорание (13), нервный срыв (3)*), «Процесс восстановления здоровья вследствие отсутствия работы» (*отдыхать (33), чилить (2)*).

С помощью синтагматического анализа контекстов нами были выявлены следующие признаки концепта ТРУД: работа требует затрат усилий; работа имеет динамический; работа влияет на другие аспекты жизни; работа необходима человеку; работа приносит выгоды; работа занимает время; работа влияет на социальный статус; режим работы; работу можно сменить; работа может представлять или не представлять ценность, важность.

Также пользователи выдвигают позитивные и негативные оценочные суждения о работе с помощью сочетаний, включающих предикацию (*работа устраивает, работа — пытка, работа нравится, работа потеряла смысл, работа — отстой, работа — дно*), характеризующихся атрибутивной связью (*худшая работа, интересная работа, приятная работа, комфортная работа, серьезная работа, рабская работа, качественная работа, любимая работа, бесполезная работа, увлекательная работа, лучшая работа, идеальная работа, вайбовая работа, скотская работа*), объектных словосочетаний (*любить работу*). Количество лексических средств с позитивной оценкой превосходит количество лексических средств с негативной оценкой.

Признаки концепта ЗДОРОВЬЕ, выявленные с помощью синтагматического анализа: здоровье — исчерываемый ресурс; здоровье представляет ценность, важность; здоровье не априорно присутствует у человека, а требует действий и вложений с его стороны; здоровье может быть физическим и ментальным/психическим.

Языковые репрезентанты ценностей «здоровье» и «труд» с высокой степенью регулярности выступают контекстуальными соседями в рамках микротекстов комментариев. На основании анализа можно говорить о концептуализации труда как фактора, причиняющего вред здоровью, занимающего время, влияющего на социальный статус и различные сферы жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремина, М. А. Концепт труда в современном языковом сознании (на материале анкетных данных) / М. А. Еремина // Нижневартковский филологический вестник. — 2016. — № 1. — С. 24-28. — EDN WHPTWF.
2. Золотарева, Т. А. Семантическое поле «Здоровье» в гендерном аспекте (на материале женских и мужских англоязычных журналов) / Т. А. Золотарева, А. Н. Кольцова // Поволжский педагогический поиск. — 2019. — № 4(30). — С. 73-79. — DOI 10.33065/2307-1052-2019-4-30-73-79. — EDN MPCYNZ.
3. Пенягина, Е.В. Вариативность концепта «здоровье»: лингвокогнитивное исследование // Социо- и психолингвистические исследования. — 2020. — №8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-kontsepta-zdorovie-lingvokognitivnoe-issledovanie>
4. Синячкин, В.П. О ценности «Труд» в русском языковом сознании // Вестник ЮУрГГПУ. — 2013. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tsennosti-trud-v-russkom-yazykovom-soznanii>
5. Чжан Юфань Семантические компоненты концептуального поля труд как структурные элементы макрополя праздник в русском языке // Преподаватель XXI век. 2023. — №4-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-komponenty-kontseptualnogo-polya-trud-kak-strukturnye-elementy-makropolya-prazdnik-v-russkom-yazyke>

УДК 81-139

Ю. Ю. Веренева © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
(Науч.рук. — д-р филол. наук, проф. О. В. Кукушкина)*

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕРОНИМИИ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «НЕЙРОННЫЕ СЕТИ»

Ключевые слова: меронимия, семантические отношения «часть-целое», терминология, нейронные сети, предметная область.

В настоящий момент изучение предметной области «Нейронные сети» становится все более актуальным. Данное направление активно развивается и привлекает специалистов различных профилей, в том числе и лингвистов. Недолгий период существования данной науки и активные современные разработки и открытия влияют на появление постоянных изменений в терминологической системе. В результате, отсутствует достаточное количество исследований, посвященных терминологии нейронных сетей, терминологическая система предметной области требует стандартизации и изучения.

При исследовании терминосистемы объектом анализа должны выступать не только терминологические единицы, но и семантические связи между ними. Это важно для рассмотрения предметной области как системы и более детального изучения ее единиц. Материалы, полученные в ходе подобного анализа, могут быть использованы не просто для словника, но для лингвистической онтологии предметной области.

Проведение подобного анализа возможно только с привлечением процесса автоматизации. Мы придерживаемся позиции, что роль лингвиста важна, тем не менее, использование частичной автоматизации оправдана в том случае, когда она продуктивна. Подобным решением выступают корпусные методы исследования. Корпус текстов представляет собой результат взаимодействия статистического метода

(частотный критерий) и лингвистического анализа (установление семантических связей через анализ сочетаемости).

Первый этап исследования представлял собой создание корпуса текстов. Данный этап был включен в исследование из-за отсутствия русскоязычного корпуса, посвященного нейронным сетям. Мною был собран корпус, состоящий из научных и научно-популярных текстов о нейронных сетях (1 025 581 словоупотреблений).

Анализ семантических отношений проходил посредством метода диагностических контекстов. Данный метод основан на идее существования специальных конструкций, выработанных естественным языком, которые передают отношения между единицами предметной области. Данными единицами прежде всего выступают термины. Данные конструкции позволяют находить как термины, так и устанавливать отношения между ними. Эффективным примером использования описанного подхода является работа Л.В. Найхановой «Технология создания методов автоматического построения онтологий с применением генетического и автоматного программирования» [1], где перечислены основные типы отношений и приведены некоторые синтаксические конструкции, выражающие эти отношения.

На материале собранного корпуса были исследованы синтаксические конструкции, обозначающие отношение «часть-целое» между единицами предметной области «нейронные сети».

Отношение меронимии является отражением фундаментальной категории мышления. Подразделение единиц предметной области на части и компоненты и их детальное описание — характерная черта текстов научно-технического дискурса. Тем не менее, конструкции, выражающие данные отношения в разных предметных областях, отличаются.

В ходе анализа были обнаружены следующие средства для выражения меронимических отношений: конструкции с предикатами, генитивные конструкции, конструкции с творительным падежом. Ядро меронимического поля составляет **конструкция «состоять из»**. Ср.:

*«Входной слой сети **состоит из** объединения узлов обратной связи и узлов источника»*

*«Обычно сеть **состоит из** множества сенсорных элементов (входных узлов или узлов источника)»*

Примеры других конструкций, обозначающих отношения «часть-целое» в предметной области «нейронные сети»:

Конструкция «включать». Ср.:

*«Алгоритм обратного распространения ошибки **включает** две фазы: прямую и обратную»*

*«часть архитектуры, **включающая** в себя фрагмент нейронной сети...»*

Конструкция «содержать». Ср.:

*«Третий элемент ReLU **содержит** узлы с именами " weights_2 11 , linear[0-4) 11 Bias 2 11 и т. д.»*

Конструкция «иметь». Ср.:

*«Если же каждый узел **имеет** 100 входящих связей, то веса должны находиться в диапазоне, ограниченном значением $1/(V100) = 0,1$ »*

Конструкции с предикатами «делиться», «разделяться», «подразделяться».

Ср.:

*«получаемая на вход матрица **делится на** непересекающиеся окна...»*

*«Оставшаяся часть набора данных вновь **подразделяется** на тренировочную и валидационную»*

Конструкция «разбиваться на». Ср.:

«обучающий набор разбивается на два поднабор»

Конструкция с творительным падежом. Ср.:

«нейронная сеть с 500 узлами в каждом слое»

Генитивная конструкция. Ср.:

«Стандартный слой сверточной сети»

Конструкция «являться частью/компонентом/элементом». Ср.:

«Эти данные являются частью входа для каждого из агентов».

Основной трудностью в ходе анализа выступает разграничение меронимических отношений с другими типами семантических отношений. К примеру, для лингвиста, а не ученого, специализирующегося на нейронных сетях, сложной задачей будет отличие отношения «целое — часть/компонент» и отношения «объект — свойство/признак», для выражения которых подходят такие предикаты, как «иметь», «содержать», «обладать». Данное затруднение связано с тем фактом, что указанные отношения относятся к сфере принадлежности и объединены глаголом «иметь» [1, с. 44]. Трудность также представляет разграничение иерархических отношений и меронимических отношений, иногда их дифференцировать невозможно («Оставшаяся часть набора данных вновь **подразделяется на** тренировочную и валидационную»). Подобные конструкции включения образуют отдельную группу.

Таким образом, отношение «часть — целое» играет важную роль в предметной области «Нейронные сети». Метод диагностических контекстов продемонстрировал свою эффективность и позволил не только установить набор средств, которые выражают отношения меронимии, но и анализировать их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найханова Л.В. Технология создания методов автоматического построения онтологий с применением генетического и автоматного программирования: Монография. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — 244 с.

УДК 81'42

А. С. Дзыцук © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ (В ШКОЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ)

Ключевые слова: лексикология, стилистика, деловая речь, литературный язык, аббревиации в официально-деловой речи, педагогические рекомендации.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе лексики современной деловой речи не только как лингвистического феномена, но и как объекта школьного изучения. В рамках исследования предпринимается попытка сопоставить актуальные изменения в деловой лексике (аббревиация, терминологизация, заимствования, профессионализмы) с содержанием действующих школьных программ, выявляя степень их соответствия современным коммуникативным потребностям учащихся. В работе впервые систематизируются, какие именно лексические пласты

деловой речи отсутствуют, а также уже имеются в современных учебниках для старшей школы, и предлагается их классификация с точки зрения методической целесообразности.

Появление понятия «деловая речь» (официально-деловая речь, официально-деловой стиль — ОДР, ОДС) берёт своё начало ещё в X веке, в период формирования различных социальных слоёв общества на Руси [2, с. 258]. Именно в это время начинается процесс создания первых письменных документов, к числу которых относятся берестяные грамоты, использовавшиеся преимущественно для бытовой и деловой переписки. Одними из первых официальных письменных памятников стали договоры Руси с греками, а уже в XI веке был создан *первый свод законов* Древней Руси — «Русская правда», отражающий основные черты письменной деловой речи. Таким образом, можно утверждать, что уже в X–XI веках происходило становление деловой речи и формирование её языковых особенностей, а также своеобразное «смешение» функциональных стилей русского языка.

Деловая речь, или официально-деловая речь, является неотъемлемой частью литературного языка и занимает особое место в системе функциональных стилей современного русского языка, и используется *как в письменной, так и в устной* формах общения в официальной обстановке. Как отмечают многие учёные, в том числе В. В. Виноградов, официально-деловая речь охватывает широкий круг сфер применения, однако её основной задачей является передача информации нормативного и регламентирующего характера [2, с. 258]. К таким материалам относятся инструкции, приказы, деловая переписка и протоколы собраний. Поэтому важно изучить специфику официально-деловой речи, её функции и место среди других стилей языка.

Функциональный стиль языка, по мнению большинства лингвистов, представляет собой разновидность литературного языка, которая выделяется в зависимости от цели коммуникации, используемых языковых средств и особенностей речевой ситуации. Во многом функциональный стиль отличается от общего понимания «стиля» *сознательной совокупностью дифференциальных признаков, которые во многом нацелены на получение определённых коммуникативных задач.* Следовательно, каждый функциональный стиль характеризуется устойчивым набором языковых средств и собственными нормами употребления.

В традиционной классификации, известной со школьного курса современного русского языка, **выделяют пять основных функциональных стилей:** *разговорный, публицистический, научный, официально-деловой и художественный.* Использование устойчивых языковых клише, стандартных формулировок и характерных семантических признаков позволяют достаточно точно определить принадлежность текста к официально-деловому стилю и обозначить его место в системе функциональных стилей современного русского языка.

Одна из групп представлена аббревиациями (сложносокращёнными словами), которые помогают упростить и стандартизировать определенные сокращения. Они помогают сэкономить место на бумаге, а также дать чёткое понимание о сути письма. Как отмечает Н. А. Каменева, «это связано с определённой терминологической базой» [5, с.13]. Одной из таких «баз» выделяются аббревиатуры на основе усечения, сращения, звуковой, буквенной, смешанной, заимствованной и инициальной аббревиатуры. Например, ФГБОУ ВО (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования) или ГБУ ДПО (Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования), ДонГУ (Донецкий государственный университет) стоит отнести к смешанным, в то время как ПСБ (Промсвязьбанк), ООО (Общество с ограниченной ответственностью), ФЗ (Федеральный закон), ФПЛ (Фундаментальная и прикладная лингвистика), ТК

(Трудовой кодекс), ПО2РЛ (Педагогическое образование (с двумя профилями) (Профиль: Русский язык и литература)) относятся к сращениям, и т. п. Получается, что эти способы помогают не только передать информацию, но и сократить место в деловом письме.

Наряду с этим в современной деловой лексике наблюдается активное пополнение за счёт **терминологической и заимствованной лексики**. Это связано с развитием экономики, управления, права, информационных технологий и образовательной сферы. В официально-деловой речи широко употребляются такие слова, как «проект», «мониторинг», «менеджмент», «регламент», «коммуникация», «дедлайн», которые отражают реалии современной профессиональной деятельности. По мнению М. Е. Ляпидовской, «заимствованная лексика при соблюдении языковых норм способствует точности и однозначности высказывания, однако требует осознанного и уместного употребления» [3, с. 112–114].

Проблемным аспектом при этом также является не полная обеспеченность учебного процесса современными учебными и методическими материалами, ориентированными на анализ актуальной деловой лексики во всех учебных заведениях. Учебники по русскому языку преимущественно опираются на традиционные образцы официально-деловых текстов, не всегда отражающие современные тенденции развития деловой речи, включая электронную переписку (например, «ВКонтакте», МАХ, «Яндекс.Почта»), использование аббревиатур и заимствований [1; 5]. Это затрудняет формирование у обучающихся целостного представления о функционировании деловой лексики в современных условиях.

В частности, наше внимание было акцентировано на сборнике учебных материалов *М. Т. Баранова, под редакцией Т. А. Ладыженской*, выпустивших большое количество учебников для разных классов в нескольких частях [1]. Однако только некоторые были приняты нами в рамках учебной работы. Исследование показало, что деловая речь в них представлена достаточно глубоко, как для учеников 6-х классов, что несомненно будет полезно как самим обучающимся, так и преподавателям. Методические пособия по культуре деловой речи (работы М. Е. Ляпидовской, И. Б. Голуб и др.) расширяют знания о лексике и стилистике официально-делового общения, включая клишированные конструкции, канцеляризмы и речевые ошибки. Но они ориентированы на студентов и взрослых, что требует адаптации для старших классов. Исследование также включало методические разработки с сайта infourok.ru, где представлены рекомендации и источники для преподавателей. Работы *Т. В. Антонюк-Антимировой и Е. Б. Барашковой* раскрывают практическую часть официально-делового стиля речи для 6–10-х классов. В них включены презентации, теоретические сведения, домашние задания, что полезно для преподавателей и учеников. Исследование охватывает многие аспекты деловой речи, расширяя знания о ней, в том числе о месте среди других функциональных стилей языка.

Одной из основных рекомендаций является последовательное введение элементов официально-делового стиля в курс русского языка, начиная с 5–6 классов, согласно федеральным программам. На данном этапе целесообразно формировать *общее представление об официально-деловом стиле как о функциональной разновидности языка, его назначении и сферах употребления*. Для закрепления теоретических положений рекомендуется использовать сравнительно-сопоставительные задания, позволяющие учащимся на раннем этапе осмыслить семантические и функциональные различия между стилями речи.

Потому мы предлагаем *свои рекомендации по улучшению навыков делового общения*, которые не будут противоречить федеральным программам, но будут соответствовать требованиям педагогической подготовки. Задачи для домашних или

проверочных работ «Функциональные стили русского языка» *старшим и средним классам* в трёх вариантах с разными целями:

1) Напишите своему лучшему другу поздравительное письмо, которое Вы отправите по электронной почте. Пожелайте, чтобы все его мечты сбылись.

2) Составьте короткое объявление для школьного стенда о предстоящем классном собрании. Укажите дату, время и место проведения, указав учебное учреждение.

3) Создайте диалог между двумя одноклассниками, которые договариваются о встрече после уроков. Используйте при написании официально-деловой стиль речи.

В 6 классе эффективно использовать тестовые задания для определения функционального стиля высказываний. Представление стилей в отдельной колонке помогает лучше запомнить материал и формировать устойчивые ассоциативные связи между языковыми признаками и функциональным назначением текста. Этот метод позволяет усвоить и закрепить теоретические основы функциональной стилистики на практике. Особое внимание следует уделять развитию навыков письменной речи с 5 класса. Для этого рекомендуется выполнять письменные работы объёмом около 80 слов на тему «Функциональные стили речи». Это помогает сформировать у обучающихся первичные навыки осознанного выбора языковых средств в зависимости от коммуникативной задачи.

Таким образом, изучение деловой лексики показало, что официальный стиль меняется под влиянием стандартизации и цифровизации. Традиционные клише сохраняются, но речь обогащается новыми терминами, аббревиатурами, заимствованиями. Это важно для подготовки педагогов и учеников, так как развивает их коммуникативные навыки и культуру речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, М. Т. Русский язык: учебник. 6 кл.: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова [и др.]. — М.: Просвещение, 2019. — 191 с.
2. Виноградов, В. В. История русского литературного языка: избранные труды / В. В. Виноградов. — М., 1978. — 258 с. — (ИБ № 586).
3. Культура русской деловой речи. Учебное пособие / М.Е. Ляпидовская. — Санкт-Петербург: РГГМУ, 2021. — 190 с.
4. Евтюгина, А. А. Функциональная стилистика [Электронный ресурс]: учебное пособие / А. А. Евтюгина. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. — 75 с.
5. Каменева, Н. А. Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык // Филология: научные исследования. — 2024. — №2.

УДК 811.161.1'373.6

А. С. Жуйкова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ивановский государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук И. Ю. Шишлова)*

ВЫРАЖЕНИЕ «ОТЕЦ НАЦИИ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: *историческая лексикография, фразеология, фразеография, этимология, устойчивое выражение.*

Единицы, заимствованные из других языков и прошедшие длительный путь семантического и формального освоения, представляют особый интерес с точки зрения

исторической лексикологии и фразеологии. Одной из таких единиц является фразеологизм *отец нации*, который, несмотря на активное употребление, до сих пор не получил исчерпывающего лексикографического описания. Цель данного исследования — проследить исторический путь данного выражения от первой фиксации в языке до современного состояния.

Этимологически выражение восходит к латинскому *pater patriae* (отец отечества). В Древнем Риме это был официальный титул, присуждавшийся сенатом за особые заслуги перед государством. Первым его удостоился Цицерон в 63 г. до н.э., впоследствии — Гай Юлий Цезарь, Октавиан Август и другие императоры. Латинское *pater* в составе этого сочетания уже тогда обрело оценочное, метафорическое значение 'почетнейшее обращение', выйдя за пределы прямого номинативного значения 'глава семейства' [3, с. 396].

В русский язык это выражение проникает в первой половине XVIII века в форме *отец отечества*, о чем свидетельствует текст «Прошения сенаторов...» от 22 октября 1721 года о поднесении Петру I титулов Императора, Великого и *Отца Отечества* [5, с. 179]. До начала XIX в. выражение *отец отечества* в русском языке употреблялось только в отношении Петра I или римских правителей. Однако в XIX в. оно приобретает новое, переносное значение. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина впервые фиксируется употребление выражения *отец отечества* по отношению к князю Владимиру, который не имел этого титула официально («бояре *отца отечества...*» [2, с. 160]). Происходит метафорический перенос: качества, приписываемые носителю титула (забота о подданных, величие деяний), начинают приписываться правителю, пользующемуся народным одобрением. Потенциальная сема 'одобрение народом', имплицитно присутствовавшая в титуле, становится ядерной в новом, переносном значении.

Наиболее значительное изменение внешней формы происходит во второй половине XX в., когда в языковой практике вместо выражения *отец отечества* появляется его вариант *отец нации*. По данным Национального корпуса русского языка, один из первых примеров его употребления встречается в повести братьев Стругацких «Гадкие лебеди» (1967 г.), в которой *отцом нации* главный герой иронически называет тоталитарного правителя. Замена компонента «отечество» на «нация» не является случайной и требует отдельного осмысления, но очевидно, что она связана с актуализацией понятия «нация» в политическом дискурсе XX в. и постепенным устареванием слова «отечество» в составе данного выражения. Другим вариантом, актуализировавшимся в XX в., является выражение *отец народов*, существовавшее в языке и раньше (также как калька с латинского, см., например, в «Прощании» В.К. Кюхельбекера, 1820 г.: *Отец народов, вечный Рим!*), однако теперь оно используется только как «титул» И. В. Сталина.

В современной форме выражение *отец нации* активно употребляется в публицистике, а также в произведениях художественной литературы разных жанров для обозначения харизматичных лидеров. При этом отсутствие словарной фиксации порождает вариативность в написании, что представляет собой актуальную орфографическую проблему. Встречаются различные варианты: написание обоих компонентов со строчной буквы, написание слова «Отец» с прописной, заключение всего сочетания или его части в кавычки. Хотя формально эти случаи подпадают под действие общих правил орфографии и пунктуации (употребление прописной буквы для «высокого смысла», кавычки для «условного значения»), такой подход, по замечанию А. И. Молоткова, искусственно членит фразеологизм, возвращая его компонентам утраченную самостоятельность [4]. Наиболее рациональным с точки зрения сохранения

целостности фразеологической единицы представляется написание всех компонентов со строчной буквы и без использования кавычек.

Единица обладает воспроизводимостью, устойчивостью состава и целостностью номинации, при этом ее значение выводимо из суммы значений компонентов, где слово *нация* реализуется в прямом значении (и допускает подстановки: *отечество, народ*), а слово *отец* — в несвободном, фразеологически связанном. Названные признаки позволяют отнести данный фразеологизм к разряду фразеологических сочетаний по классификации В. В. Виноградова [1].

Таким образом, история фразеологизма *отец нации* в русском языке представляет собой пример процесса развития заимствованной единицы от узкого официального титула (*pater patriae*, отец отечества для Петра I) через стадию метафорического переосмысления (отец отечества для князя Владимира у Карамзина) к устойчивому фразеологическому сочетанию современного языка (*отец нации*). Этот процесс сопровождался изменением семантики и формы единицы. Изучение подобных изменений является необходимой базой для последующей лексикографической фиксации активно употребляющихся, но еще не описанных словарями фразеологии единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 140-161.
2. Карамзин, Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. I. — М.: Наука, 1989. — 640 с.
3. Латинско-русский словообразовательный словарь: Ок. 20000 слов / авт.-сост. Г.В. Петрова. — М.: «Оникс», 2008. — 704 с.
4. Молотков, А. И. Орфография и пунктуация в границах фразеологизма // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: «Советская энциклопедия», 1968. — С. 22–23.
5. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1986. — 511 с.

УДК 81'38

С. А. Канцына © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — асс. Д. И. Борозенец)

МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН СОВРЕМЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ GREEN APELSIN)

Ключевые слова: метафора, неофолк, современная музыка, тематическая группа, языковые образы.

Музыкальные произведения — это особый вид поэзии, главной функцией которого является воздействие в той или иной форме на слушателя. При этом песенный материал может послужить источником для анализа лингвистических феноменов. Этим обусловлена **актуальность** работы.

Одним из ключевых инструментов воздействия в поэтическом тексте являются средства художественной выразительности, в особенности — метафора как способ выражения идей и переживаний в яркой образной форме. В качестве **материала** для

анализа роли метафоры в песенном дискурсе было выбрано 22 текста песен якутской певицы, автора-исполнителя Green Apelsin (Анжелы Жирковой). Ее музыкальный стиль — нео/дарк-фолк и рок с академическим вокалом, в который вплетаются этнические мотивы и мистические образы из мифологии и фольклора, что делает метафору основным инструментом построения смыслов.

Объектом исследования являются тексты песен исполнительницы Green Apelsin, а **предметом** — используемые в них метафоры как средство создания художественной образности.

Цель работы заключается в выявлении, классификации и анализе метафор в творчестве Green Apelsin, а также в определении их роли в репрезентации авторской картины мира.

Под метафорой нами понимается «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [1, с. 125]. В песнях Green Apelsin, как видно из результатов анализа, этот троп является ключевым для отображения внутреннего мира лирической героини.

Нами выделены следующие **тематические группы** (далее — ТГ) **метафор** в текстах ее песен на основе семантической отнесенности их компонентов.

ТГ «любовь». Включает 46 метафор, из которых практически все выражают чувства и переживания лирической героини или героя песни. В основном они строятся на типе метафорического переноса «психический мир — физический мир» (реже — «психический мир — абстракция»). Чувство или состояние выражается посредством переноса на него свойств какого-либо предмета или явления из реального мира: *любовь ярко горит, летится рекой, возвращается, оборачивается казнью и слепнет.*

ТГ «другие чувства». Включает 48 метафор, из которых практически все (за исключением нескольких, выражающих чувства других персонажей) выражают чувства и переживания лирической героини или героя песни. В основном они строятся на типе метафорического переноса «психический мир — физический мир» (реже — «психический мир — абстракция»). Чувство или состояние выражается посредством переноса на него свойств какого-либо предмета или явления из реального мира: *расставание мне сердце душист, кто-то утопает в невзгодах, сгораю от надежды* и т. д.

В этой ТГ особо выделяется подгруппа «чувства, контекстуально противопоставляемые любви» — 23 метафоры. Три из них относятся к потенциальным действиям объекта любви лирической героини, остальные — к ее собственным чувствам и состояниям: *мстью жить мне до конца, больно в пустоте внутри, льдом стала счастья слеза* и т. д.

ТГ «описание героев». Включает 23 метафоры, которые указывают на какие-либо характеристики или состояния персонажей песен. В основном они строятся на типе метафорического переноса «психический мир — физический мир» (реже — «физический мир — физический мир»: *неплом красится прядь*). Характеристика или состояние выражается посредством переноса на него свойств какого-либо предмета или явления из реального мира: *словами ранен, с неба обрушены отрезанным ломтем, артист без творчества* и т. д.

ТГ «действия героев». Включает всего две метафоры: *на носочках тень ее крадется* и *когти в бой, зубами клацать*, обозначающие действия лирической героини. Тип метафорического переноса — «физический мир — физический мир».

ТГ «смерть». Включает 26 метафор, которые так или иначе затрагивают тематику смерти (чаще насильственной), физической или «моральной». В основном они строятся на типе метафорического переноса «физический мир — физический мир» (физическое состояние выражается посредством переноса на него свойств какого-либо предмета или

явления): *льется молодца алая кровь, жизни рубит нитки*; реже — «психический мир — физический мир»: *ты убивал меня сотню раз, орудие убийства — сердце* и т. д.

ТГ «природа». Включает 31 метафору, в которых для построения связи используются наименования объектов живой природы — животных, растений, стихий и т. д. Выделяются следующие типы метафорического переноса: «человек — предмет/животное» (*белый лебедь среди голубей, в моих венах течет северный ветер* и т. д.), «психический мир — физический мир» (*течением нас унесло далеко, ты на ранах солью, / на губах — ромашкой* и т. д.), используемые для характеристики персонажа; и «физический мир — физический мир» (*к шторму готовятся буйные волны, ветер песнь поет* и т. д.), используемый для характеристики объектов окружающего мира.

ТГ «фольклорные/мифические образы». Включает 12 метафор, в которых для построения связи используются наименования фольклорных или мифических персонажей. В основном они строятся на типе метафорического переноса «человек — абстракция» (реже — «человек — физический мир»: *в свете древних валькирий скройся*). Характеристика персонажа или окружающего мира выражается посредством переноса на него свойств какой-либо сверхъестественной силы: *волн морских демон, я дьявола дочь и слуга, нас в аду ожидает вечность* и т. д.

ТГ «художественный мир песен». Включает 26 метафор, которые указывают на какие-либо характеристики мира, окружающего лирических героев. В основном они строятся на типе метафорического переноса «физический мир — физический мир». Характеристика предмета или явления реального мира выражается посредством переноса на него свойств другого предмета или явления реального мира: *сказание несется, пламя тихо умрет, дней нескончаемый бег* и т. д.

Таким образом, нами было проанализировано 214 метафорических оборотов в текстах песен Green Apelsin. Самыми частотными являются ТГ «любовь» и «другие чувства». Метафоры в текстах исполнительницы используются для обозначения чувств и переживаний лирических героев и «второстепенных» персонажах песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. — 2-е изд., М.: URSS, 2011. — 375 с.

УДК 81-11

Л. А. Немчинова © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Т. Ю. Завьялова)

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА: ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Ключевые слова: военная лексика, неологизм, солдатский сленг, жаргонизмы, военная терминология.

Язык является живой системой, немедленно реагирующей на любые изменения в жизни общества. Именно в нём фиксируются все сдвиги и перемены в политике,

экономике, культуре и, конечно же, в военной сфере. Ни для кого не секрет, что любой военный конфликт оставляет огромный след не только в жизни и истории страны, но и в самой системе языка. В истории России можно выделить довольно большое количество войн, вооружённых конфликтов, которые, как следствие, повлекли за собой расширение лексической системы нашего национального языка.

Рассмотрим развитие военной лексики и терминологии во временном аспекте от Первой мировой войны до наших дней.

Так, Первая мировая война стала не только крупным военно-историческим событием в жизни русского народа, но и мощным толчком в сфере языковых изменений. Война принесла новые военные технологии, прежде никому неизвестные явления, для которых требовались определённые наименования. Так начали появляться неологизмы: «дирижабль» — от французского «diriger» (управлять); «субмарина» — «sub marinus», что по-латыни означает «под морем». Важно отметить: в России старались придерживаться всего исконно русскому, поэтому новейшую военную технику тоже стремились называть по-русски: если механизм мечет пули, то он «пулемёт», если защищает от отравления ядовитыми газами — «противогаз». Ещё одно нововведение, характерное для военной лексики периода Первой мировой войны — сокращения. Так появились «главковерх» — верховный главнокомандующий, «командарм» — командир армии и «начдив» — начальник дивизии. Активное взаимодействие армий разных стран в период Первой мировой войны привело к проникновению терминов, слов военной тематики из языка противника либо союзника в русский язык. Так, можно отметить распространение по окопам солдатского сленга (огромный пласт неформальной лексики). Появлялись новые лексические единицы, словосочетания с определённым контекстуальным значением, даже «мирные» слова, то есть обыденные, используемые в разговорной речи, наделялись новыми, часто мрачными и ироничными, значениями. Так, например, можно выделить такие лексические единицы: каша со «шрапнелью» (то есть с перловой крупой); «квакать» (стрелять из бомбомёта), «лисья нора» (стрелковая ячейка), «мортирка» (полевая кухня), «облом» (плохо подготовленный солдат) [1].

Другой, не менее кровопролитный период — период Великой Отечественной войны. Она, как и Первая мировая война, стала катализатором языковых изменений. Так, в годы Великой Отечественной войны образцы вооружения, военная техника, виды войск имели официальные названия, однако обладали и прозвищами, которые были намного дороже солдатскому сердцу. Солдаты давали ласковые названия танкам, самолётам, своему оружию. Так появились давно нам известные: «ночные ведьмы» — пилоты-женщины, бомбардировавшие вражеские территории в ночное время; «Фенечка» — ручная противопехотная граната F-1; «Катюша» — система полевой реактивной артиллерии БМ-13 (сначала установки называли «Раиса Сергеевна», так обыгрывали сокращение «РС» (реактивный снаряд), потом ласково стали звать Катюшей — русским девичьим именем, в честь всех своих любимых, которые их ждали и помогали выжить на войне). Великая Отечественная война также вызвала к жизни огромное количество новых военных жаргонизмов: «второй фронт» (американская тушёнка в банках); «ганс» (немецкий солдат); «карлуша» (немецкий солдат) и т. д. [1].

Современность тоже не осталась в стороне от войны и агрессии. Так, наша страна сейчас переживает ещё один тяжёлый период в своей истории. СВО (специальная военная операция), как и два предыдущих военных конфликта, послужила толчком для пополнения военной лексики русского языка. В современном русском языке активно формируется новый пласт лексики, связанной с военными действиями, но выходящей за пределы профессиональной среды использования. Таким образом, слова из военной

сферы становятся понятными большинству благодаря СМИ. Например, к более общеупотребительной лексике СВО относятся такие ключевые термины: ЛБС (линия боевого соприкосновения); БПЛА (беспилотный летательный аппарат); ЧВК (частная военная компания). Эти примеры представлены аббревиатурами, несложными для запоминания и повседневного употребления. В период специальной военной операции появилась новая техника — начали активно развиваться беспилотные технологии. Это также привело к появлению новой лексики. Однако важно отметить: названия беспилотных средств также имеют как официальные названия, так и «прозвища» (такая тенденция наблюдалась и во времена Великой Отечественной войны). Например, «Птичка» (дрон, БПЛА); «Птичник» (оператор БПЛА); «Живая птица» (работающий, исправный дрон). Актуальны лексемы, которые связаны с наименованием видов оружия. Из западных СМИ пришло обозначение для вооружения НАТО — «зоопарк» («Леопарды», «Тигры», «Росомахи», «Волкодавы», «Мастиффы»). А в связи с флористическими наименованиями видов российского оружия («Герань», «Тюльпан», «Гиацинт», «Пион») появились такие метафоры: «букет», «клумба», «рассада». В язык пришли новые слова, включающие в свой состав аббревиатуру СВО и символы V, Z. Кроме того, функционирует лексика, известная ещё со времён Первой мировой и Великой Отечественной войн: «зацепить» (легко ранить); «мясные штурмы», «мясной накат» (выполнение военной задачи ценой жизни солдат) и т. д.

Подводя итог анализу военной лексики, можно сделать ряд обобщающих выводов. Военная лексика на протяжении разных временных этапов выступала не просто пассивным отражением боевых действий, а их активным участником. Каждый крупный вооружённый конфликт оставлял свой след в языке, обогащая его новыми словами, новыми смыслами, создавая уникальную картину мира народа. Военная лексика — это живой организм, который чутко реагирует на все вызовы времени. Она сочетает в себе боль и самоотверженность, технологический прогресс и исторические истоки. Изучение слов военной тематики позволит людям не только проследить эволюцию языка, но и понять психологию человека на войне и в тылу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин, В.П. Русский военный жаргон XVIII — XX вв. // Новый часовой. — 1994. — № 2. — С. 76-81.
2. Чеботарева, В. В. Английский военный термин в лингвистическом и социокультурном аспектах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. — Москва, 2012. — 24 с.

УДК 81'11

Ю. Е. Русакова © 2026

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского»
(Научн. рук. — д-р филол. наук Е. Г. Малышева)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА СОВЕТСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОМСКИХ СМИ

Ключевые слова: медиаобраз, лингвокогнитивный анализ, тезаурусное описание, региональный медиадискурс, Сергей Манякин, политический дискурс.

В российской политической лингвистике наблюдается устойчивый рост интереса к феномену медиаобраза. Исследования в этой области подчеркивают роль языка в конструировании медиаобразов политических деятелей, где медиаобраз выступает не только как отражение реальности, но и как инструмент идеологического влияния [Зелянская 2014: 120].

В исследованиях часто анализируются медиаобразы представителей высшей власти советской эпохи, которые рассматриваются на основе современных медиатекстов российских и иностранных СМИ. Однако работ, посвященных анализу медиаобразов советских региональных руководителей в современном медиадискурсе, крайне мало.

В докладе исследуется медиаобраз С.И. Манякина, объективированный в омских СМИ 2020–2025 гг. Цель — реконструкция его лексико-семантической структуры через формально-функциональный тезаурус и выявление механизмов языковой репрезентации. Методология включает лингвокогнитивный и дискурсивный подходы, методы контент-анализа, лингвокогнитивного анализа и тезаурусного описания.

Теоретико-методологическая основа включает лингвокогнитивный подход, позволяющий рассматривать медиаобраз как результат концептуализации и категоризации действительности [Кубрякова 1996: 89], и дискурсивный подход, фокусирующийся на коммуникативной обусловленности медиарепрезентаций и социокультурном контексте [Ван Дейк 2000: 67]. Кроме того, использованы методы контент-анализа и методика тезаурусного описания, апробированная в исследованиях Е.Г. Малышевой и А.Ю. Жигунова [Малышева 2011: 45; Жигунов 2022: 50].

Эмпирическая основа исследования представляет собой корпус из семи медиатекстов омских СМИ, опубликованных в 2020–2025 гг., отобранных по критериям релевантности, жанрового разнообразия (телевизионные программы, документальные фильмы, интернет-публикации, печатные статьи), хронологической близости (отражения актуальных тенденций ретроспективного осмысления), авторитетности источников.

Проведенный анализ показал, что медиаобраз С. И. Манякина является сложным когнитивно-дискурсивным конструктом, формируемым посредством языковых механизмов в современном региональном медиадискурсе. Формально-функциональный тезаурус включает: номинативы (агроном, сын кузнеца, человек-легенда), атрибутивы (бесстрашный, мудрый, легендарный, честный), предикативы (внедряет, задает, интересуется, переживает).

Наиболее частотными, а, следовательно, и репрезентативными группами формально-функционального тезауруса являются предикативные характеристики, атрибутивные характеристики, наименования неодушевленных материальных объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта, и наименования субъекта, опосредованно связанные с концептом. Доминирование лексем функционального тезауруса свидетельствует о том, что медиаобраз С.И. Манякина в современных региональных СМИ формируется преимущественно через образные, эмоциональные и аксиологически окрашенные языковые единицы.

В качестве примера опишем идеологические доминанты, которые проявляются в предикативных характеристиках *бросает (вызов Хрущеву), дал (по лбу Хрущеву), осмеливался перечить (даже генсекам), мог перечить (Хрущеву, Брежневу), мог ответить (руководителям, которых все боялись)*. Данные глаголы отражают противостояние центральной и региональной власти, подчеркивая решительность и бесстрашие первого секретаря Омского обкома КПСС перед высшими политическими руководителями. В современном медиадискурсе данные характеристики трактуются

как признаки сильного лидера. Они тесно связаны с системой наименований субъекта, представляющих руководителя Омской области через образные описания: (*управленческий*) *экслюзив, марсианин, супермен, психолог, хозяин, управленец, человек–легенда, образец*:

С первой «драки», когда он «по лбу дал» Хрущеву, они поняли, что пришел бесстрашный человек, самостоятельный человек. (ГТРК «Иртыш», 04.04.2025).

Лексико–семантические и прагматические особенности исследуемых медиатекстов подчеркивают достижения, харизму регионального лидера; при этом журналисты избегают освещения негативных аспектов деятельности С.И. Манякина. Такой подход позволяет в итоге эксплицировать ностальгическую картину «манякинской эпохи» — периода расцвета Омской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз Иосифа Сталина как гипертекст // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 11. — С. 73–79.
2. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — Москва: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
4. Мальшева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. — Москва: ФЛИНТА, 2011. — 370 с.
5. Жигунов, А. Ю. Концепт-идеологема «Арктика»: формирование и динамика развития в русской медийной картине мира: 23.00.01: дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2022.

УДК 81-11

В. В. Тюрина © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Т. Ю. Завьялова)*

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: *публицистический дискурс, СМИ, крылатые слова, крылатые выражения.*

Крылатые слова и выражения представляют собой устойчивые сочетания слов, в которых мысль выражена в лаконичной, отточенной и выразительной форме. Паремии выполняют в речи очень важную специфическую функцию. Они дают возможность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать явление, ситуацию, отношение, человека, высказать своё чувство. Это «готовые» формулировки человеческого опыта, жизненной мудрости, представляющие золотой фонд мировой национальной культуры. В памяти любого образованного человека хранятся многие сотни крылатых слов, которые употребляются в его родном языке, а нередко и многие популярные иноязычные цитаты.

Можно выделить следующие функции, которые выполняют крылатые выражения в современных СМИ:

1. Характеризирующая функция даёт характеристику персонажа, предмета или явления, которое фигурирует в статье. Например: *И это даже не вероятность, это факт — рыночные цены уже пошли в гору на новостях про Huawei* («Взгляд». 22.05.2019). Фраза *пошли в гору* характеризует тенденцию к повышению цен;

2. Аргументирующая функция используется для предоставления аргументов в пользу той или иной точки зрения. Например: *Предположение, что эти металлы могут быть использованы в качестве оружия в торговой войне с США* («Взгляд». 22.05.2019);

3. Юмористическая функция: крылатые выражения используются для того, чтобы насмешить публику, разрядить обстановку. Например: *Свинину съешь сам, курицей поделись с другом* («Комсомольская правда». 29.04.2022);

4. Композиционная функция: крылатые выражения представляют собой некую связывающую мысль, которая пронизывает статью, скрепляет её части между собой. Например, в статье В. Веленгурина «Ничего, кроме пепла: Как сейчас выглядит разбитый Мариупольский музей» («Комсомольская правда». 28.04.2022) крылатая фраза *ничего, кроме пепла* является связующей. В различных частях данной статьи идут упоминания о последствиях бомбардировок: сгоревших домах, разрушенных улицах, человеческих жертвах;

5. Заголовочная функция используется наиболее часто, поскольку экспрессивный заголовок с использованием крылатого выражения привлекает внимание читателя: *Друг познается нигде* («Коммерсантъ». 27. 04.2022);

6. Функция контактоустанавливающей реплики: автор обращается к читателю, задавая ему вопрос или приглашая что-то сделать. Например: *Станет ли Приднестровье новой ареной сражений гибридной войны?* («Комсомольская правда». 28.04.2022);

7. Функция призыва: *Господин Турчак призвал коллег сплотиться, зарыть на время боевых действий топоры внутрипартийной войны* («Коммерсантъ». 26.04.2022).

В современных СМИ крылатые слова характеризуются разнообразием синтаксических структур и могут представлять собой:

- отдельное слово (*Отелло, Коробочка, Вральман*);
- словосочетание (*окно в Европу, лишние люди*);
- простое предложение (*Любви все возрасты покорны; И дым отечества нам сладок и приятен*);
- сложное предложение (*И жизнь хороша, и жить хорошо; То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть*).

Использование крылатых слов в публицистическом тексте происходит по различным образцам [1]:

1) наполнение новым смысловым содержанием при сохранении у фразеологического оборота лексико-грамматической целостности. Семантика высказывания меняется, а лексико-грамматическая целостность остается: *Но потом Миккельсен решил сыграть безусловную невинность в белом венчике из роз, а Винтерберг решил не усложнять* (Коммерсантъ 23.05.2019);

2) замена одного из элементов фразеологизма синонимом или расширение устойчивого состава фразеологизма новыми лексическими единицами: *Пхеньян и Сеул не откладывают мир в долгий ящик* (РИА Новости, 28.04.2018);

3) создание новых индивидуально-авторских оборотов по аналогии с существующими фразеологизмами: *Свинину съешь сам, курицей поделись с другом*. («Комсомольская правда». 29.04.2022);

4) использование устойчивого выражения как свободного сочетания слов: *Тогда как Китай отделяется легким испугом — разве что модернизация промышленности немного замедлится* («Взгляд». 22.05.2019);

5) использование образа фразеологического оборота: *Призрак китайского коммунизма добрался до Америки* («Независимая газета». 20.07.2020).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что специфика языка СМИ характеризуется общедоступностью, социальным характером, сочетанием стандартизованности и экспрессии, использованием разнообразных экспрессивных и образных средств. Для современных газет характерны следующие основные тенденции: усиление личностного начала; стилистическая «многогранность»; интертекстуальность; расширение экспрессивно-эмоциональных и образных средств.

Именно с целью повышения экспрессивности в СМИ используются крылатые слова. Журналисты активно используют как фразеологические «штампы», так и оригинальные, окказиональные способы образования новых фразеологических единиц на основе крылатых слов. На базе проанализированного материала можно заключить, что основной функцией крылатых слов в СМИ является создание определённого контекста, коннотации. Крылатые фразы в СМИ, как и в художественной литературе, ориентированы на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка. Используя окказионализм, журналист стремится представить свое видение и оценку окружающего, поэтому среди этих лексем практически нет нейтральных по семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буглак, К. И. Модификация цитат и фразеологизмов современной англо-американской прессы: Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — №26(197). — С. 40-45.

А. А. Федорова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: *языковая личность, интернет-коммуникация, функции языка, заимствования, письменная речь.*

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа тех трансформаций, которые претерпевает русский язык под влиянием интернет-среды в условиях новой коммуникативной реальности. **Цель исследования** — выявить и охарактеризовать основные тенденции, механизмы и особенности функционирования русского языка в современном интернет-пространстве, а также определить влияние цифровой среды на языковую личность и речевую практику.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть интернет как специфическую коммуникативную среду, определяющую условия функционирования языка.

2. Проанализировать основные лексические процессы в языке Рунета.
3. Изучить грамматические и синтаксические особенности сетевой речи.
4. Выявить роль графики и орфографии в формировании облика русского языка в сети.

Объектом исследования является русский язык как знаковая система, используемая в процессе коммуникации. **Предметом исследования** выступают функциональные, структурные и стилистические особенности русского языка, реализующиеся в условиях современной интернет-среды.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению русского языка в интернете как целостной функциональной системы, систематизации новейших языковых тенденций последних лет.

Основная часть

Современный этап развития языка характеризуется беспрецедентным влиянием цифровой среды. Интернет, ставший основным пространством повседневного языкового существования, выступает мощным катализатором языковых изменений. Русский язык в глобальной сети подвергается воздействию двух разнонаправленных тенденций: демократизации и раскрепощения, с одной стороны, и падения речевой культуры, жаргонизации и экспансии заимствований — с другой.

В отличие от языков программирования, составляющих лишь технологическую основу, естественный язык становится не просто средством, а подлинным строительным материалом интернет-реальности.

Виртуальная среда создает уникальные условия для реализации языковой личности. Интернет позволил фиксировать спонтанную устную речь в письменной форме, что привело к переносу особенностей устного общения (ошибок, сокращений) в письменный текст. Все речевые индивидуальности оказываются на виду, формируя аксиому «личность = текст или личность = язык» [3, с. 46]. Так возникает новая языковая личность: по манере общения, словам, фразам можно условно определить возраст, пол и сферу интересов человека. В условиях письменной коммуникации, приближенной к реальному времени, текст становится эквивалентом личности.

Возникает феномен «письменного произношения», где роль интонации берут на себя паралингвистические средства (смайлики, эмодзи), а письмо и чтение приобретают черты говорения и аудирования.

Все основные функции языка находят в интернете свое отражение, но с определенной спецификой. Так, посредством формирования виртуальной языковой личности актуализируется **фатическая (контактоустанавливающая) функция** — говорящий презентует себя при установлении контакта с собеседником. Подобным образом реализуется **волюнтативно-персуазивная функция**, направленная на воздействие и убеждение. Для обычного пользователя целью становится создание определенного образа в сети, однако эта функция играет более значительную роль при выходе в интернет с информационными или коммерческими целями (например, чтобы продать товар, нужно убедить покупателя не только в его качестве, но и в добросовестности продавца).

Кроме того, интернет выступает как инструмент приобретения знаний и как их накопитель (тезаурус), что реализует **когнитивную и мемориальную функции** языка.

Культурообразующую функцию определяет «формирование новой информационной культуры, в которой языковое присутствие является концептуально основополагающим» [3, с. 75].

Также, подобно языку, Интернет служит площадкой для раскрытия творческого потенциала виртуальной личности и удовлетворения ее стремления к развлечениям. В

этом процессе находит свое воплощение еще одна важная функция языка — **эстетическая**.

Особенно важны для понимания процессов в интернете языковые антиномии (противоречия), выступающие внутренними стимулами развития. Г.Н. Трофимова выделяет следующие:

Антиномия говорящего и слушающего: противоречие между стремлением «письменно-говорящего» к упрощению и сокращению высказывания и стремлением «письменно-слушающего» к облегчению его восприятия [3, с. 81].

Антиномия кода и текста: противоречие между набором языковых единиц (код) и их употреблением в связной речи (текст) приводит к увеличению кода за счет заимствований.

Антиномия узуса и возможностей языка: возможности языка шире, чем принятое употребление, и норма сопротивляется этим возможностям.

Антиномия информационной и экспрессивной функций: противоречие между стремлением сетевой речи к стандартности (информационная функция) и к новизне и оригинальности выражения (экспрессивная функция).

Антиномия устной и письменной речи: сближение устной и письменной форм, появление «письменно-устной» речи, где зависимость средств от формы снижается, а привязанность к теме и ситуации общения возрастает [3, с. 82].

Интернет обостряет эти антиномии, актуализируя наиболее яркие процессы в языке: усиление личностного начала, стилистический динамизм и диалогичность общения.

Другим звеном в формировании языковых особенностей интернета выступают узконаправленные термины, заимствования и профессиональная лексика, стремительно проникающие в бытовой язык. Расширение интернета ведет к расширению тематического кругозора пользователей: локальная терминология становится доступной, а пользователи пополняют словарный запас удобными и емкими выражениями, зачастую заимствованными. Характерны:

- Нарочитая фонетическая неграмотность («ваще», «канешна»), вульгаризирующая зрительный образ слова.

- Активное словообразование на базе англоязычных основ (аффиксация, усечение: *комп, конфа*; словосложение: *веб-дизайн*).

- Англоязычные аббревиатуры (*LOL, ИМНО*), переходящие в устную речь в статусе междометий.

Общую тенденцию к разговорности, аналитизму и экспрессивности отражает и синтаксис сетевой коммуникации. Основными чертами являются:

- активизация разговорных конструкций — предложения становятся короче, формальные синтаксические связи ослабляются, возрастает роль контекста и порядка слов;

- расчлененность и сегментация — такие конструкции имитируют разговорную непринужденность и сам процесс размышления.

- эллиптичность — пропуск ожидаемых членов предложения, особенно в диалогах, где реплики подхватывают и продолжают друг друга;

- экспансия именительного падежа — именительный падеж активно используется в заголовках, рубриках, рекламных баннерах для достижения лаконичности и броскости.

- контаминация — смешение синтаксических структур, включение предикативных единиц в состав предложения, что имитирует «формирование мысли на ходу».

Заключение

Таким образом, интернет представляет собой не просто технологическую платформу, а качественно новую среду функционирования русского языка, актуализирующую заложенные в нем потенции и порождающую новые формы его существования.

В ходе исследования были решены поставленные задачи и сделаны следующие основные выводы:

Интернет как лингвофилософская реальность базируется на естественном языке, который становится главным инструментом создания виртуального пространства. Гипертекстовая природа сети отражает особенности нелинейного мышления и порождает новые формы текстуальности.

Русская виртуальная языковая личность сохраняет национально-культурную специфику, реализуя себя в условиях, где формула «личность = текст» становится определяющей.

Традиционные функции языка в интернете не только сохраняются, но и обогащаются новыми оттенками. Внутренние законы развития языка (экономии, аналогии) действуют в сети с особой силой, обостряя языковые антиномии и стимулируя развитие «письменно-устной» формы речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление / Н. А. Ахренова. — М. : Изд-во МГОУ, 2009. — 220 с.
2. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: современные подходы и перспективы / Е. И. Горошко // Лингвистика Интернета: современные подходы и перспективы : сборник научных статей / под ред. Е. И. Горошко. — Харьков : ХНУ, 2018. — С. 148–153.
3. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РУДН, 2009. — С. 39-132

Дискурсология и генристика

УДК 81'282

Д. С. Байдала © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ивановский государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук И. Ю. Шишлова)

ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РЕГИОЛЕКТЕ Г. ОМСКА

Ключевые слова: лингворегионалистика, региолект, диалект, регионализм, диалектизм, этимология, семантика.

В настоящее время в лингвистике активно изучается региональная специфика речи городских жителей. Большое внимание к данному роду исследований вполне обосновано: с одной стороны, городская речь (или региолект) значительно отличается от диалекта, поскольку она утратила многие его архаические черты; с другой — с диалектом ее сближает большое количество территориально варьирующихся черт, не совпадающих полностью с городским просторечием. Само же влияние территориального диалекта и просторечия не позволяет городской речи достигнуть статуса стандартного литературного языка. При этом лексика диалектного происхождения в составе региолекта со временем может менять значение.

Для подтверждения данных суждений обратимся к семантико-этимологическому анализу лексических единиц (*каралька, хахаряшки, кильдым, бекарас*), встречающихся в речи жителей Омска — многонационального города, крупного промышленного, культурного и научного центра Сибири.

Лексема *каралька* (вариант написания — *коралька*), согласно «Словарю современного русского города» (ССРГ) в омской речи обозначает крендель: *Каралек настряпала; Я каральку возьму, мам?* [5, с. 185]. В том же значении лексема фиксируется в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ): ‘крендель, большой калач или бублик, баранка’ [4, с. 72]. Однако в современном региолекте, на наш взгляд, происходит расширение семантики данного слова: сейчас единица скорее обозначает нечто изогнутое в форме кренделя, нежели само хлебобулочное изделие: *Купила крупную сельдь из ведра. Начала разделявать, а там... Там каральки, плотно скрученные, из длинного глиста...; Собираем волосы в высокий хвост и закручиваем в каральку*. Этимологически лексему, вероятно, можно считать близкой диалектной единице *каракло* — ‘изгиб реки’. Ср. эст. *kaag: jõgi teeb kaage* — река образует дугу [3, с. 250]. На связь слова *каралька* с *каракло* указывает и то, что названия некоторых водных объектов Сибири имеют в составе общий элемент *карал-* (*корал-*). При этом географические объекты также характеризуются особой формой: например, озеро Каралька в Томской области не похоже на озеро в привычном представлении, т. к. имеет извилистую форму с тремя ответвлениями; извилистой оказывается и река Коральяха в Ямало-Ненецком автономном округе.

Схожее расширение семантики наблюдается и при рассмотрении лексемы *хахаряшки*, которая, по данным ССРГ, обозначает ‘домашний скарб, вещи’ [5, с. 525]. В современном же состоянии омского региолекта единицу употребляют для обозначения мелкого мусора, округлых предметов или ненужных вещей, а также небольших хлебобулочных изделий: *К чаю быстро хахаряшек наделаю; Я пришла нормальных*

мужиков от хахаряшек отделять; Молодец мужик, хоть снег чистит и хахаряшки на дорогах. Кроме того, по данным словаря единица употребляется лишь во множественном числе, тогда как в настоящее время нами зафиксированы случаи, которые опровергают подобное суждение: *Эта хахаряшка сколько стоит?*

Этимология единицы затемнена, однако при сопоставлении рассматриваемой лексемы с единицами *хахорный* (ветхий), *хахря* (замарашка, грязнушка) в словаре В. И. Даля [2, с. 543] и *харахур* (тряпки) в словаре С. А. Мызникова [3, с. 844] подтверждаются диалектные корни этого слова.

Несколько изменяется семантика и у диалектной по происхождению лексемы *кильдым* — ‘чулан, кладовка’ см.: *Принеси из кильдыма стул* [5, с. 195]. В СРНГ находим родственные слова *кильдим* — ‘публичный дом’ или ‘изба, в которую собирается молодежь на посиделки’ и *кильдима* — ‘хижина, избенка’ [4, с. 210]. При этом в этимологическом словаре С. А. Мызникова высказано предположение, что рассматриваемая пара лексем имеет тюркское происхождение, хотя и напрямую возводить их к татарскому *kildim*, по замечанию автора, не следует [3, с. 298]. Следовательно, в региолекте наблюдается семантический сдвиг: ‘здание’ / ‘пристройка’ => ‘место в доме, небольшая комната’.

Однако необходимо сказать, что расхождения в семантике диалектной и региолектной единицы происходят не всегда. Например, словом *бекарас* (*бикарас*, *бекорас* и др.), по данным ССРГ, омичи обозначают то или иное насекомое [5, с. 29]. В настоящее время также фиксируем следующие контексты: *Ты даже представить не можешь, сколько мух и водных бикарасов съели эти бычки.* На диалектное происхождение единицы указывает ряд слов со схожей структурой и семантикой в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина: см. *бикарас* ‘нелетающее насекомое’, ср. *букáрица*, *букáрь*, *букáшка* и др. [1, с. 181]; ср. также *бекáс* II ‘насекомое’: *бика́с* — противна мошка. // *букáха*, *букáшка* [1, с. 55].

Таким образом, не вызывает сомнения связь современного лексического состава региолекта с диалектом, однако для отдельных единиц процесс перехода диалектной лексики в региолектную сопровождается семантическими сдвигами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе — болдыхать) / А. Е. Аникин / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 344 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. Р-У. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1982. — 683 с.
3. Мызников, С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов / С. А. Мызников. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 1076 с.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Калун — кобза / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, 1977. — 362 с.
5. Словарь современного русского города: Ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. д-ра филолог. наук., проф. Б. И. Осипова. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — 565 с.

УДК 81'42

А. Е. Лобанова © 2026
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — доц. филол. наук М. Н. Панчехина)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗЕМЛЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНЧАНИНА

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, земля, Донбасс, языковое сознание дончанина.

Актуальность исследования состоит в том, что в нем рассматривается семантика понятия «Земля» применительно к языковому сознанию жителей Донбасса, при этом учитывается динамика исторического и социокультурного контекста.

Цель работы состоит в том, чтобы комплексно описать принципы формирования лексико-семантического поля «Земля», его структуру с учетом ядерных и периферийных компонентов.

Достижению цели способствует выполнение следующих *задач*:

1. рассмотреть семантику ядерной лексемы «Земля» с учетом реальных языковых примеров из речи современных горожан Донбасса,
2. описать периферийные элементы исследуемого лексико-семантического поля,
3. проследить уровни взаимодействия ядерного и периферийных компонентов поля.

Материалом исследования послужило языковое поведение дончан, примеры из их речи, которые представлены в региональных телеграм-каналах, переключках, пабликах и группах «ВКонтакте».

Гипотеза исследования состоит в том, что в языковом сознании дончанина сформировано уникальное представление о родной земле как особом историческом, культурном, социокультурном и лингвокультурном метапространстве (моя земля, донецкая земля, дом и т. д.), что усиливается и концептуализируется в связи со сложными историческими событиями и вооруженном противостоянии на территории региона.

Степень разработанности. Разработка понятия «лексико-семантическое поле» принадлежит Йосту Триру, немецкому исследователю, разделившему лингвистическое поле на два понятия: «лексическое» и «понятийное» поле. Отечественные исследователи установили, что лексико-семантическое поле «следует считать крупной, объемной лексико-семантической микросистемой, представляющей собой иерархическую структуру, включающую в свой состав различные объединения языковых единиц; представленную грамматически различными лексическими единицами, образующую вместе с другими лексико-семантическими полями смежные синкретические пространства» [1, с. 7].

Структура лексико-семантического поля формируется следующим образом: название слова, ядро (ключевые слова) и синонимы, периферия.

В ходе исследования использовался *описательный метод*, который позволил установить наполнение понятия «лексико-семантическое поле», *квалификационный метод* — сходства и различия между тематическими группами внутри поля,

сопоставительный метод лежит в основе принадлежности тематических групп к ядру или периферии поля.

Было бы ошибочно утверждать, что концептуализация земли в языковом сознании дончанина происходит в новейшей истории в связи с военными событиями на территории региона. Донбасс на протяжении нескольких веков известен как угольный край с богатыми недрами, поэтому особое отношение к земле как кормилице, месту залежи угольных пластов формировалось в течение многих лет, обрастая мифологемами и дополнительными коннотациями. Однако именно в течение последнего десятилетия представление о Донбассе как особой земле концептуализировалось в связи с осмыслением края как родного отчего пространства. Например: *Гибель Вохи стала огромной потерей для Донбасса и России. Но его подвиг живет на каждом освобожденном метре родной земли* (<https://t.me/PushilinDenis/9504>). *Важно, чтобы люди, и особенно наше молодое поколение, чувствовали себя не зрителями, а участниками культурных преобразований. Чтобы они могли реализовать себя здесь, на родной земле, и гордиться тем, что делают* (<https://t.me/PushilinDenis/8310>).

В местных региональных переключках и пабликах отчетливо прослеживается, что лексема «земля» наиболее частотно используется в сочетании «родная земля» (т. е. синоним *родины / Родины*), «моя земля», «наша земля». Последнее словосочетание стало частотно используемым благодаря популярной песне Алексея Поддубного («Джанго»). В припеве песни «Мы не уйдем» есть следующие слова: «Здесь *наша земля*, мы не уйдем».

Парадигматические отношения между компонентами исследуемого лексико-семантического поля проявляются в наличии синонимии. Например: *местность — край — сторона; земля — почва — чернозем — грунт — пласты; глухомань — глушь — провинция*.

Можно отметить, что периферию поля образуют наименования растительности и животных, при этом данные наименования зачастую являются стилистически маркированными. Назовем лишь самые частотные из них: *буряк, жердели, синенькие, чернобривцы; кутята и др.*

Итак, лексико-семантическое поле «Земля» в языковом сознании жителей Донецкой Народной Республики демонстрирует, как эта категория выступает не только как обозначение физической природы, но и как носитель глубоких социокультурных смыслов. Анализ структуры поля, с выделением ядерных и периферийных компонентов, показал его многоуровневость и способность отражать изменяющиеся представления об окружающей среде, укорененные в региональной истории и современных социально-политических обстоятельствах. Выделение тематических групп и микроконцептов позволило выявить вариативность употребления лексем, связанную с конкретными социальными и культурными обстоятельствами региона. Особое внимание уделялось влиянию трансформаций, вызванных военными конфликтами и социальными изменениями, которые привели к переосмыслению традиционных значений и возникновению новых, эмоционально насыщенных образов, расширяющих семантическое поле. Это подтверждает тесную связь языкового сознания дончанина с коллективными переживаниями и идентичностью.

Полученные в ходе работы результаты создают фундамент для расширения научного знания в области региональных семантических исследований и способствуют развитию прикладных направлений в лингвистике и культуре донецкого региона. Они открывают перспективы дальнейших междисциплинарных исследований, направленных на углубленное изучение языкового сознания под воздействием

социальных потрясений и на разработку стратегий сохранения лингвокультурного наследия в условиях динамичных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочнова, К. А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира / К. А. Кочнова // Филология и литературоведение. — 2015. — № 5 [Электронный ресурс rрeresурс]. URL: 5(44). — С. 3–7. — EDN UAEYSN.

УДК: 81'282

М. А. Шевченко © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

НОМИНАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ПРИЁМА ПИЩИ В ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: пищевые номинации, регионализм, лексико-семантическая группа, тематическое поле, региональная языковая картина мира.

Питание является одной из фундаментальных основ существования человека. Гастрономическая лексика представляет собой набор лексем, связанных с пищей, процессами приёма и приготовления блюд. Она отражает не только местные вкусовые привычки, но и исторические изменения, социальную структуру общества и культурные влияния. Наиболее репрезентативным материалом для данного анализа служат наименования процессов принятия еды в местных говорах. **Актуальность** исследования обусловлена интересом лингвистов к изучению пищевой лексики, отражающей живые языковые процессы и гастрономическую культуру, а также её недостаточной изученностью в донецком региолекте. **Целью** настоящего исследования является выявление, систематизация и комплексный анализ лексических единиц, номинирующих процессы приёма пищи в речи жителей донецкого региона.

Процесс образования единиц лексической системы называется номинацией. Изучение лексики как системы предполагает выделение различных объединений слов. Наиболее продуктивным для анализа гастрономической лексики является понятие лексико-семантической группы (ЛСГ). По Ф.П. Филину, «лексико-семантические группы слов представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» [2, с. 225]. ЛСГ — это парадигматические объединения, включающие слова одной тематической группы, синонимы, антонимы и производные. Для них характерны членимость на более мелкие подгруппы, принадлежность единиц к одной части речи и связи с другими ЛСГ.

Лексико-семантические группы являются главными составными компонентами тематического поля. В данной работе номинации процессов приёма пищи входят в тематическое поле «Пища», которое представляет собой совокупность лексических единиц разных частей речи, содержащих общую сему «связанность с пищей». Внутри этого поля выделяются более частные ЛСГ, например, ЛСГ «Названия блюд», ЛСГ «Приготовление пищи» и т. д. Объектом нашего анализа является ЛСГ «Поглощение пищи», в которую входят слова, обозначающие процессы приёма пищи.

В данном исследовании мы оперируем понятием «региолект». Вслед за В.И. Теркуловым мы определяем его как «не какую-то разновидность речи, не какой-то

отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определённую регионально маркированную организацию всего языкового пространства региона» [1, с. 17].

В рамках исследования тематического поля «Пища» донецкого региолекта была выделена ЛСГ «Поглощение пищи», включающая 9 лексических единиц. Все они представляют собой глаголы, объединенные семой «употреблять пищу». Анализ лексем позволяет распределить их по нескольким основаниям:

1. По этапам поглощения:

1) процесс поглощения пищи: *хряпать* — *хряцать* «жадно есть», *штекать* «устар. есть, принимать пищу», *запихиваться* «быстро с жадностью есть», *сёрбать* «шумно есть, пить», *рубать* «быстро есть»;

2) завершение процесса поглощения пищи: *заесться* «неаккуратно поесть, оставив следы еды на лице; привыкнуть к хорошему, к сытой жизни», *подъест* «перекусить», *похватать* «поесть».

2. По скорости и манере поглощения:

1) быстрое поглощение пищи: *хряпать* — *хряцать* «жадно есть», *запихиваться* «быстро с жадностью есть», *рубать* «быстро есть»;

2) размеренное поглощение пищи: *штекать* «устар. есть, принимать пищу»;

3) шумное поглощение пищи: *сёрбать* «шумно есть, пить».

Внутри ЛСГ «Поглощение пищи» наблюдаются различные типы семантических отношений. Наиболее ярко представлена синонимическая пара *хряпать* — *хряцать* «жадно есть». Данные единицы являются фонетическими вариантами одной лексемы и могут рассматриваться как полные синонимы (эквиваленты). Частичными синонимами, объединенными значением «быстро есть», выступают лексемы *запихиваться*, *рубать*.

Четко прослеживается антонимия по признаку интенсивности/нормы. Глаголы с семантикой интенсивного действия (*хряпать* — *хряцать*, *запихиваться*, *рубать*) противопоставлены глаголам, обозначающим умеренное действие (*штекать*).

Выделенные глаголы можно соотнести по виду: глаголы несовершенного вида (*хряпать* — *хряцать*, *штекать*, *запихиваться*, *сёрбать*, *рубать*), глаголы совершенного вида (*заесться*, *подъест*, *похватать*). Последние оформляются с помощью приставок *за-*, *подь-*, *по-*. Особый интерес представляет глагол *заесться*, имеющий постфикс *-ся*, указывающий на «замыкание» действия на субъекте («наелся до неприличия»).

Формирование номинаций процессов приёма пищи в донецком региолекте обусловлено рядом факторов. Шахтёрский труд, требующий быстрого перекуса в специфических условиях, находит отражение во многих лексемах, входящих в ЛСГ «Поглощение пищи». Эмоционально-экспрессивная окраска большинства глаголов (*хряпать* — *хряцать*, *запихиваться*, *сёрбать*) указывает на то, что процесс поглощения пищи часто получает в народной речи негативную или ироничную оценку.

Проведенный анализ номинаций процессов приёма пищи в донецкой речи подтверждает, что лингвокультурологическая значимость данных лексем заключается в их способности отражать реалии быта и особенности национального характера. Перспективой исследования может стать сопоставительный анализ данных номинаций с аналогичными в других региолектах и диалектах русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. — Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. — 265 с.
2. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания — М: Наука, 1982. — 336 с.

УДК 81`42

П. Р. Шведченко © 2026
 Федеральное государственное бюджетное
 образовательное учреждение высшего образования
 «Донецкий государственный университет»
 (Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. В. А. Рязанова)

СООТНОШЕНИЕ ЭТИЧЕСКОГО И МАНИПУЛЯТИВНОГО АСПЕКТОВ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ДОНЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ ТЕМАТИКИ

Ключевые слова: эвфемизмы, донецкие СМИ, публицистика, этика, манипуляция.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью лингвоидеологического анализа донецких СМИ, существующих в информационном пространстве, где эвфемизация становится не просто стилистическим инструментом, а ключевым механизмом конструирования альтернативной реальности. Разделение эвфемизмов на этические и манипулятивные позволяет выявить, как с помощью языковых средств осуществляется легитимация собственной позиции, делегитимация противника, нейтрализация негативных коннотаций и управление эмоциональным восприятием целевой аудитории.

Цель исследования — проанализировать, как СМИ и информационные интернет-источники ДНР используют эвфемизмы в текстах военной и социально-бытовой тематики и каким образом эвфемизмы влияют на формирование общественного мнения и эмоций.

Материалы исследования: тексты информационных интернет-ресурсов (Информационные телеграм-каналы «Типичный Донецк», «АГС_Русского_Донбасса»).

В отечественной лингвистике исследование эвфемизмов началось с 1960-х гг. в трудах Б.А. Ларина, Л.А. Булаховского, Ж.Ж. Варбота и А.А. Реформатского, В. Буя.

Эвфемизм (от греч. *Eupheteo* "говорю вежливо") — «слово, употребляемое для не прямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» [2]. Явление эвфемистической замены находится в центре пересечения экстралингвистических и лингвистических проблем, так как по своей природе являются социальными образованиями.

С прагматической точки зрения эвфемизмы подразделяются на этические и манипулятивные.

Этические эвфемизмы — инструмент социального смягчения, который отражает эволюцию общественных норм в сторону гуманизации языка, защиты достоинства человека. Их цель — не скрыть, а называть уважительно. Сюда относятся термины, связанные с инвалидностью, расовой идентичностью и т. п., например: вместо *старик* — *человек пожилого возраста*; вместо *онкологическое заболевание* — *новообразование*; *инвалид* — *человек с ограниченными возможностями*; *пьяный* — *нетрезвый* [1].

Манипулятивные эвфемизмы — технология управления восприятием реальности. В различных дискурсах она формирует альтернативную лингвистическую реальность, затрудняя критическую оценку событий. Например: *либерализация цен* — частичная или полная отмена государственного регулирования рыночных цен, *ликвидность* — нехватка денег, *оптимизация* — сокращение [1].

Проявление манипулятивного и этического аспектов в текстах донецких СМИ.

1. В контексте военных действий этические эвфемизмы используются, когда речь идет о потерях среди населения, вооружённых сил, страданиях гражданского населения. Нужно защитить чувства родственников, сохранить достоинство погибших. Стилистический прием строится на смягчении, обезличивании противника, акцент на страдании или подвиге «своих»: *получил смертельное ранение* вместо *был убит*, *боевики ВСУ* как способ этической дистанции от противника, *неприятная ситуация на участке фронта* как смягчение информации о поражении, *укрыться в убежище* вместо *спасаться от обстрела*.

С точки зрения манипуляции эвфемизмы применяются в контексте описания действий противника и общей стратегии, когда нужно скрыть масштаб потерь, представить отступление как тактический ход, создать образ тотальной угрозы, сформировать образ врага, выгодного для ситуации: *активные действия* вместо *штурм*, *санирование территории* вместо *зачистка*, *демилитаризация* или *денацификация* для обозначения наступления, *отход на заранее подготовленные позиции* вместо *отступление*, *киборги* — солдаты противника.

2. В социально-бытовом контексте актуальной темой будут являться коммунальные неудобства. Задача этических эвфемизмов в этом случае — смягчить описание проблем, не создавать панику, подчеркнуть стойкость населения. Удачными являются нейтральные формулировки, где акцент строится на процессе, а не на катастрофе: *сложная ситуация с водоснабжением*, *режим ограничений*, *период адаптации к новым условиям*.

Манипулятивные эвфемизмы полностью переведут проблему из хозяйственной в военно-политическую сферу. С их помощью снимается ответственность с местных властей, которые не могут решить проблему, возлагают её на врага: *водный фронт* — ключевая эвфемистическая метафора, бытовое становится полем битвы; *гуманитарная диверсия*, *блокада* вместо разрушение инфраструктуры или *прекращение подачи воды с подконтрольной Украине территории*; *самоотверженная работа по наладке жизнеобеспечения* вместо *аварийно-восстановительные работы в условиях кризиса*; *помощь извне* (из России) или *враждебные действия* (со стороны Украины).

Выводы. Эвфемизация в донецких СМИ выступает и как этический прием смягчения жестких реалий, и как инструмент манипуляции, формирующий восприятие читателей. Разграничение функций эвфемизмов позволяет оценивать их роль в информационной среде и предлагать меры по повышению медиаграмотности и этических стандартов.

Преимущество использования этических эвфемизмов заключается во внутренней поддержке граждан и различных структур, способности управлять внешними событиями, но при неправильном преподнесении информации, из-за накопления неверной картины реальности снижается доверие при разоблачении несоответствий, либо усиление враждебности по отношению к врагу.

В текстах военной тематики наблюдается диалектическое единство: этическое смягчение для «своих» является необходимым условием для манипулятивного очернения «чужих». В социально-бытовой теме манипуляция также главенствует, поскольку здесь смягчённые слова нужны не для сокрытия, а создания иллюзии. Проблемы жизнеобеспечения сопоставляются с войной, что является мощным инструментом снятия ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майорова, А. В. Эвфемизмы как средство языкового манипулирования в современной коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2017. — № 16. — С. 83–86.

2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 811.161.1

В. А. Яковлева © 2026
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Е. В. Кузнецова)

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБЩЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ МЕЖДОМЕТИЯ ЛЯ

Ключевые слова: диалектизм, междометие, средства массовой информации, социальные сети, популяризация.

Взаимодействие частей языковой картины мира приводит к обмену элементами между ними. Диалекты русского языка не являются изолированными друг от друга, а находятся в состоянии взаимодействия друг с другом и с литературным языком.

Диалект — составная часть языка, один из его культурных элементов; при взаимодействии различных диалектов друг с другом и с общерусским языком также часто происходит взаимообогащение. Лексическая сторона диалектов в сравнении с фонетической является наиболее изменчивой. Фонетические черты диалектов в большей степени закреплены за конкретными говорами, так как создают определённые артикуляционные привычки. Лексическая же сторона диалектов является более изменчивой.

Наиболее известны следующие пути перехода диалектизмов из говора в говор или в общерусский язык:

- 1) изменение места жительства носителя диалекта;

Примером может послужить наше наблюдение за речью семьи автора (Волгоградская обл., Светлоярский р-н). В речи членов семьи используется слово *стольничка* ('разделочная доска'). В «Словаре русских народных говоров» есть слово *стольница* в том же значении, отмеченное как смоленское. По воспоминаниям старшего поколения (50 лет), это слово ранее пришло от предков, живших в Котельниково и использовавших это слово в речи постоянно. Согласно предположениям, основанным на книге воспоминаний одной из женщин старшего поколения, в Котельниково семья попала из Ельца, который находится на пути из Смоленска в Котельниково. Таким образом, слово со своей территории бытования переместилось вместе с людьми.

- 2) включение диалектной лексики в тексты художественной литературы.

Например, слово *бирюк* в значении 'угрюмый, одинокий, нелюдимый человек' [2, с. 648] сейчас не имеет пометы «обл.», однако И.С. Тургенев в рассказе «Бирюк» делает помету: «Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый» [5, с. 159].

В современном мире к данным каналам, позволяющим некоторым диалектным словам стать популярнее, добавляются такие формы искусства и творчества, как кинематограф в его различных жанрах и проявлениях. В активное взаимодействие с ним вступает четвёртый канал — социальные сети, увеличивая процесс глобализации и распространяя лексику гораздо быстрее, чем она распространялась раньше «от

человека к человеку», «из уст в уста», т.к. благодаря сети Интернет значительно увеличивается количество взаимодействий людей друг с другом и с продуктами деятельности друг друга. Этот процесс можно рассмотреть на примере южного междометия *ля* ('удивление', 'возмущение').

Данное междометие можно объединить с родственными по происхождению:

1) в южнорусских говорах: *гля* («Словарь донских говоров Волгоградской области» под ред. Р.И. Кудряшовой), *глянь* («Донской словарь», авт. — А.В. Миртов);

2) в Псковской области (среднерусские говоры): *глядь* и *гля-то* («Псковский областной словарь с историческими данными»);

3) в русских говорах на территории Сибири: *гли́-ка* («Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири», авт. — Г.В. Афанасьева-Медведева) и *ли́ко* 'удивление' («Словарь русских говоров Сибири» под ред. А.И. Фёдорова).

Как можно заметить, в южнорусских и псковских говорах происходит усечение основы (от *глянь* и *гляди* до *гля*, *глядь*). Усечение корня происходит за счёт ослабления смычно-проходного переднеязычного согласного [н] на конце слова, причинами чему являются экономия речевых усилий и особенность самой обозначаемой эмоции: необходимы усилия и время, чтобы после гласного нижнего подъёма [а] (яканье часто встречается в южнорусских говорах) вернуть речевой аппарат к смычке согласного. Явно прослеживается логическая связь: что-то интересное, вызывающее удивление, обращает на себя внимание говорящего и это необходимо показать окружающим. Речевые ситуации, в которых используется данное междометие поспособствовали его укорачиванию.

На территории Сибири к процессу редуцирования основы добавляются и другие процессы. Вероятно, при быстром проговаривании слова *гляди*, редуцировался смычный переднеязычный [д'] (имеет то же место образования, что и [н]), рассмотренный ранее). После долгий гласный подвергся процессу стяжения, вследствие чего появился вариант *гли-ка*, а после произошло усечение начала корня, что привело к появлению междометия *ли́ко*.

Ля образовалось в ходе усечения основы из-за особенности артикуляции южнорусского фрикативного [γ], который редуцируется из-за своего сближения с выдохом. Ввиду сильного сокращения времени на произнесение слова возрастает уровень экспрессивности междометия, что делает его ярким и запоминающимся, а соответственно имеющим потенциал к распространению.

Введению слова в активный словарный запас людей, не являющихся носителями одного из южнорусских говоров, поспособствовал сериал «Сваты», который в 2021 году, по данным Mediascope, лидировал по просмотрам на ТВ [4]. В речи героев (например, Ивана и Валентины Бутько) рассматриваемое междометие встречается часто, а потому быстро включилось в речь любителей сериала. Благодаря сети Интернет (в частности, формат вертикальных видео [1]), слово распространилось среди большого количества людей.

Реципиент становится в социальных сетях коммуникатором, таким образом слово, перешедшее в речь, получает большее количество «носителей» — тех, кто слово знает, понимает и использует. Благодаря такой цепочке взаимодействий слово *ля* вошло в ставший популярным в русскоговорящей части Интернета мем под названием «Ля ты крыса!» [3]. Он основан на речи героя Демиса Карибидиса в комедийной миниатюре «Служба поддержки Сбербанка», показанной в 3 серии 16 сезона «Comedy Club». Всего за несколько лет слово из диалектного, понимаемого не всеми, перешло в разряд широко используемого в общении людей, не являющихся носителями говора-источника междометия.

Таким образом, можно сказать, что современные средства массовой информации, превращая реципиента в коммуникатора, открывают новые пути и новую скорость проникновения диалектных слов в общерусский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аленочка. Сваты: публикация // личная страница в кит. соц. сети TikTok. 02 ноября 2025. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSu8qptgu/> (дата обращения: 03.11.2025).
2. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. — СПб.: Изд-во «Наука», 2004. — Т.1 — С.648.
3. Ля ты крыса: публикация // публичная страница рос. соц. сети ВКонтакте «ИнфоБум». 7 декабря 2023. URL: https://vk.com/wall-69676367_1148820 (дата обращения: 03.11.2025).
4. Сериалы канала «Россия 1» стали самыми востребованными в 2021 году // Сетевое издание «Вести.Ру» «Федеральное государственное унитарное предприятие Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» (ВГТРК). URL: <https://www.vesti.ru/article/2661033> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.: сочинения: в 12 т. : письма: в 18 т. / И.С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1979. — Т.3 — С. 159.

Методика преподавания русского языка и литературы

УДК 811.161.1'243.2

А. Э. Здоренко © 2026

Тюменское высшее военно-инженерное командное
ордена Кутузова училище имени
маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА

Ключевые слова: социокультурная адаптация, русский язык как иностранный, иностранные военнослужащие, военный вуз, внеаудиторная работа.

В настоящее время российские высшие учебные заведения демонстрируют активное развитие международных связей, что выражается в увеличении контингента иностранных студентов. Это является как выполнением межгосударственных договоров о подготовке специалистов, так и важным показателем престижа самого учебного заведения [2, с. 145]. Процесс обучения иностранных граждан приобретает особую сложность в условиях военно-инженерного вуза, поскольку высокая дисциплина, строгая регламентация и иерархичность отношений создают уникальный контекст, требующий особых подходов к адаптации. Практика Тюменского высшего военно-инженерного командного училища показывает широкую географию обучающихся: курсанты прибывают из стран СНГ, Африки, Азии и Латинской Америки.

Социокультурная адаптация представляет собой сложный процесс приспособления индивида к новой социокультурной среде, подразумевающий принятие иных ценностей, норм поведения и традиций. В ходе взаимодействия с новой средой иностранные курсанты, обладая специфическими этническими и религиозными особенностями, вынуждены преодолевать различные социальные и коммуникативные барьеры. Успешное прохождение этого этапа ведет к формированию новых качеств личности, профессиональной идентификации и обретению нового социального статуса, что обеспечивает адекватное взаимодействие обучающегося с интеллектуальной и социальной средой вуза.

Начальный период пребывания в стране сопряжен с серьезным стрессом: смена климата, психоэмоциональное напряжение из-за отрыва от семьи требуют значительных внутренних ресурсов. Ключевой проблемой является недостаточная языковая подготовка, которая наслаивается на непривычную организацию учебного процесса. Курсанты сталкиваются с необходимостью решать повседневные задачи, включая вопросы проживания, питания и медицинского обслуживания. Важно учитывать расхождения в культурных нормах: от организации рабочего времени до этикетных форм обращения. Именно начальный период является самым сложным, объединяя все виды адаптационного стресса [1, с. 109].

На начальных уроках русского языка закладывается фундамент выживания в новой среде. Программа подготовительного курса включает темы, непосредственно связанные с повседневными нуждами: «Знакомство», «Город», «Поликлиника» и т. д. Специфика военного вуза требует отработки особых речевых моделей, поэтому введение таких тем, как «Рапорт дежурного», и отработка формул воинского приветствия позволяет курсантам чувствовать себя уверенно в ситуациях

профессионального общения. Когда базовые коммуникативные задачи решаются автоматически, психологический фокус внимания курсанта смещается с проблемы вхождения в среду на освоение профессиональных дисциплин. Помимо диалогов, в образовательный процесс включаются работа с текстами и аудирование, целью которых является формирование способности эффективно взаимодействовать на неродном языке.

Важную роль играет внеаудиторная работа, где язык превращается в инструмент познания. Экскурсии по городу позволяют визуализировать и закрепить лексику, полученную на уроках, а последующая обратная связь повышает эффективность усвоения материала. Для будущих военных инженеров практикуются экскурсии с архитектурным уклоном, где закрепляются знания о различных стилях. Проведение мероприятий, посвященных Дню родного языка и Дню русского языка, способствует взаимному обогащению культур: курсанты представляют свои традиции, что позволяет сохранять связь с собственной идентичностью, а исполнение произведений русских поэтов снижает языковой барьер. Участие в межвузовских конкурсах выводит курсантов за пределы училища, способствуя более широкой социальной интеграции.

В процессе преподавания ключевой задачей педагога является минимизация психологического дискомфорта обучающихся, поскольку эффективность обучения зависит не только от методической проработки урока, но и от благоприятного психологического климата в группе. Приобщение иностранных курсантов к культурным традициям России способствует органичной интеграции в образовательный процесс. Ключевым результатом является активное освоение новой культуры при сохранении собственной национальной идентичности, что и составляет сущность успешной социокультурной адаптации в условиях военно-инженерного вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусурина, Е.В., Куралева И. Р. Ранний этап адаптации иностранных студентов: задачи и их решение / Е. В. Бусурина, И. Р. Куралева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — СПб, 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 107–115.
2. Массалова, А.Э. Социокультурная адаптация иностранных учащихся в военном вузе (на примере инженерного училища) / А. Э. Массалова // Межкультурная коммуникация лингвистические аспекты: сборник материалов VII международной научно-практической конференции: Изд-во НГТУ, 2017. — С. 145-150
3. Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов [Электронный ресурс] // Alma Mater. — URL: <https://almavest.ru/ru/node/1245>

УДК 82.

В. Н. Титова © 2026

ГАОУ «Многопрофильная гимназия
федеральной территории „Сириус“»
(Научн. рук. — канд. пед. наук Л. И. Лиева)

ВОСПИТАНИЕ ГЕРОИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЭПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ПЕСНЬ О БАДЫНОКО»

Ключевые слова: адыгский эпос, «Песнь о Бадыноко», героические качества, воспитание, патриотизм, национальное самосознание, адыгская культура, историко-педагогический анализ, культурное наследие, устная традиция.

В условиях глобализации и культурной унификации особую актуальность приобретает сохранение и трансляция национального культурного наследия, в том числе героического эпоса, как средства формирования ценностных ориентаций и воспитания подрастающего поколения. Адыгский героический эпос, и в частности «Песнь о Бадыноко», занимает важное место в культуре адыгского народа, являясь не только памятником истории и литературы, но и мощным инструментом воспитания героических качеств, патриотизма и укрепления национального самосознания. Русские былины и «Песнь о Бадыноко» относятся к одному литературному жанру — эпос. В данной работе предпринята попытка исследовать влияние «Песни о Бадыноко» на формирование героических качеств у молодежи с использованием методов историко-педагогического анализа. Целью исследования является выявление и систематизация механизмов воздействия эпического образа Бадыноко на формирование ценностных ориентаций и нравственного кодекса личности в адыгской культуре.

Материалы и методы

В качестве материала исследования использовался текст «Песни о Бадыноко» в различных переводах и интерпретациях, а также научные работы, посвященные изучению адыгского эпоса и его роли в культуре. В процессе исследования применялись следующие методы:

1. Историко-педагогический анализ. Изучение генезиса, эволюции и культурно-исторического контекста «Песни о Бадыноко».
2. Контент-анализ. Выявление и систематизация ключевых тем, мотивов и образов эпоса, связанных с формированием героических качеств.
3. Сравнительный анализ. Сопоставление «Песни о Бадыноко» с другими эпическими произведениями с целью выявления общих и специфических черт.
4. Анализ научных и методических источников. Изучение исследований по вопросам влияния фольклора на воспитание личности.

Анализ «Песни о Бадыноко»:

«Нартский муж Бадыноко,
Быстроокий, бесстрашный,
 Был для нартов душою,
 Был грозой для чинтов.
Был он сильным, удалым,
 Ста ударам был равен
 Взмах меча Бадыноко.
Был повсюду он славен —
 И вблизи, и далеко,
 И повадкой особой,
 И посадкой особой,
И особою хваткой» [1, с. 3]

в 6 классе показал, что эпос оказывает значительное влияние на формирование героических качеств, благодаря следующим факторам:

1. Идеальный образ героя. Бадыноко представлен как воплощение мужества, отваги, преданности своему народу и готовности к самопожертвованию. [2, с. 54]. Он является ролевой моделью, примером для подражания, к которому стремится молодежь.

2. Преодоление трудностей и испытаний. Эпос наполнен описанием многочисленных трудностей и испытаний, которые проходит Бадыноко. Его умение не сдаваться перед лицом опасности, бороться до конца, воспитывает у слушателей и читателей стойкость, настойчивость и решительность.

«И, восторгом объяты,
Все воскликнули громко:
“Век живи, Бадыноко,
Наш отважный вожатый,
Ты душой стал для нартов,
Ты грозой стал для чинтов!» [3, с. 64].

3. Патриотизм и любовь к Родине. Бадыноко беззаветно любит свой народ и свою землю, готов отдать за них жизнь. Это чувство патриотизма, пронизывающее эпос, воспитывает в молодом поколении любовь к Родине, уважение к истории и культуре своего народа.

4. Справедливость и защита слабых. Бадыноко всегда выступает на стороне справедливости, защищает слабых и обездоленных. Это формирует у молодежи чувство справедливости, сострадания и готовность помогать другим.

5. Верность слову и долгу. Бадыноко всегда верен своему слову, выполняет свои обещания, чтит традиции и обычаи предков. Это воспитывает в молодом поколении чувство ответственности, честности и порядочности.

6. Культ оружия и воинского искусства. В эпосе оружие и воинское искусство занимают важное место. Описание подвигов Бадыноко, его умения владеть оружием, воспитывает у молодежи уважение к воинскому делу, стремление к физическому совершенству.

7. Трансляция через устную традицию. «Песнь о Бадыноко» передавалась из уст в уста через поколения сказителей (джэгуако) [3, с. 64]. Это делало ее более доступной и эмоционально воздействующей. Слушание эпоса в исполнении талантливых сказителей создавало особую атмосферу, усиливало восприятие и запоминание информации.

Таким образом, «Песнь о Бадыноко» является ценным памятником адыгской культуры и важным средством формирования героических качеств у молодежи. Эпос оказывает комплексное воздействие на личность, формируя ценностные ориентации, нравственный кодекс, чувство патриотизма и национального самосознания. Результаты исследования в 6 классе «Н» ГАОУ «Многопрофильная гимназия федеральной территории «Сириус» подтверждают необходимость активного использования героического эпоса в процессе воспитания подрастающего поколения, а также важность сохранения и развития устной традиции, как эффективного способа трансляции культурного наследия.

Перспективы дальнейших исследований

Дальнейшие исследования могут быть направлены на:

1. Изучение влияния «Песни о Бадыноко» на формирование гендерных ролей и представлений о мужественности и женственности в культуре.
2. Разработку методических рекомендаций по использованию эпоса в образовательном процессе.
3. Сравнительный анализ «Песни о Бадыноко» с героическими эпосами других народов с целью выявления общих закономерностей и национальных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарты. Адыгский героический эпос. — М., 1985. — С. 200
2. Бербеков Х.Б. Уникальный тип эпического героя и цветовые коды в адыгском нартском эпосе // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 4. — С. 103-104;
3. Литература. 6 класс. Учебник. 1-2 часть — Полухина В.П., Коровина В.Я., Журавлев В.П., Коровин В.И., М. 2025 г.

URL:

1. <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22795> (дата обращения: 29.09.2025).
2. <https://skazki.su/narodnye/adigskiy-epos-narti/pesn-o-badynoko/2>.

(дата обращения: 29.09.2025).

3. <https://adygiru.mirtesen.ru/blog/43112117314/Kak-Badyinoko-vvel-v-Strane-Nartov-novyy-obyichay>

(дата обращения: 29.09.2025).

4. <https://countrynarts.ru/index.php?newsid=16>

(дата обращения: 29.09.2025).

Примечание

Нарты — легендарные герои древнего народного эпоса, общего для всего Северного Кавказа.

Слово «нарт» означает — «глаз дарящий», т.е. готовый, оказывая помощь другому человеку, отдать за него самое дорогое — свою жизнь.

В нартский эпос входят сказания о Бадыноко.

Нартский эпос отражает национальный характер народов Кавказа: глубокое чувство любви к родной земле, трудолюбие, бесстрашие в борьбе с носителями зла, помощь слабому, защита обиженного, выносливость в походах, смекалка в трудные минуты, твердость характера и неукратимость в борьбе.

Нарты — бесстрашные защитники родины. Стоит только приблизиться врагу к стране нарттов, как стар и млад, все выходят на поле битвы

УДК 372.882

С. А. Шишко © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. И. А. Ярошевич)*

«ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» А. С. ПУШКИН: МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: *литературное образование, художественное восприятие, анализ произведения, исследовательская деятельность, образ героя, нравственное воспитание.*

Цикл «Повести Белкина» занимает особое место в школьном курсе литературы как важный этап развития русской реалистической прозы. Его изучение в средней школе позволяет не только познакомить учащихся с художественным своеобразием прозы А. С. Пушкина, но и реализовать основные цели литературного образования.

По словам Богдановой: «Основной целью литературного образования является приобщение учащихся к богатствам отечественной и мировой классики, формирование культуры художественного восприятия и воспитание на этой основе нравственности, эстетического вкуса, культуры речи» [1, с. 76]. Работа с пушкинским циклом органично соединяет эстетические и воспитательные задачи.

Своеобразие «Повестей Белкина» определяется концепцией «обыкновенной жизни». Как отмечают Хализев и Шешунова, цикл «внешне предстает цепью занимательных, анекдотических историй, по существу же являясь широкой картиной русских нравов...» [5, с. 7]. Провинциальная среда становится центром художественного мира: «“Белкинский мир” ограничен в буквальном смысле слова...» [5, с. 8]. Учителю важно акцентировать внимание учащихся на том, что за внешней

простотой сюжетов скрыта глубокая философия повседневности, в которой раскрываются закономерности человеческих судеб.

Организация изучения цикла должна начинаться с этапа целостного восприятия. «Восприятие является основой любого анализа...» [1, с. 105]. Поэтому первичное чтение должно быть эмоционально насыщенным: выразительное чтение фрагментов, обсуждение первых впечатлений, выявление наиболее запомнившихся эпизодов. При этом важно помнить, что «восприятие не есть простое фотографирование... Это активная деятельность...» [1, с. 104]. Задача учителя — создать мотивационную ситуацию, пробудить интерес к авторской интонации, к своеобразию повествовательной структуры, к роли рассказчика Белкина.

Метод творческого чтения позволяет активизировать художественное восприятие как до анализа, так и после него. «Целью его является активизация художественного восприятия...» [1, с. 89]. В практической работе это может выражаться в предложении учащимся написать мини-эссе от имени одного из персонажей, реконструировать пропущенные автором эпизоды, сопоставить различные точки зрения на происходящее. Такая деятельность способствует более глубокому пониманию образной системы произведения.

Аналитический этап работы требует системности. Рыбникова справедливо отмечала: «Методика боится случайности, бессистемности, неосознанности в поступках учителя» [4, с. 27]. Следовательно, анализ должен строиться последовательно: от характеристики художественного мира к рассмотрению конфликта, композиции, языка и авторской позиции. Особое внимание следует уделить образу героя. Персонажи цикла «органично и непосредственно выражают себя в поступках» [5, с. 9], они лишены глубокой рефлексии, что отражает тип сознания эпохи. Это дает возможность обсудить со школьниками проблему соотношения поступка и внутреннего мотива.

Воспитательный потенциал «Повестей Белкина» раскрывается через художественный образ, «питает активное воображение, а потому и воспитывает» [4, с. 25]. Через судьбы Самсона Вырина («Станционный смотритель»), Марьи Гавриловны, Владимира или Бурмина («Метель») учащиеся осмысливают ценность верности, ответственности, нравственного выбора.

Особое значение в современной школе приобретает исследовательская деятельность учащихся, по мнению Зыряновой «это деятельность, направленная на решение творческой задачи с заранее неизвестным результатом» [2, с. 30]. На уроке при изучении «Повестей Белкина» можно предложить учащимся сформулировать проблему самостоятельно: почему случай играет столь важную роль в композиции цикла? каково значение иронии рассказчика? что объединяет всех героев? Диалоговая структура урока-исследования «позволяет формировать необходимые... умения» [2, с. 34], развивает критическое мышление и самостоятельность.

Подробный анализ повести «Метель» может стать примером комплексной методической работы. Поволоцкая видит в коллизии произведения столкновение личной свободы и традиционного уклада: тайный побег героини — это стремление «заявить свою волю...» [3, с. 159]. Однако финал повести связан с признанием духовного закона: «Таинство венчания признается абсолютно неотменимым...» [3, с. 161]. Внутренний конфликт героев приводит к нравственному выбору, к отказу от эгоистического понимания счастья [3, с. 163]. Обсуждение этих аспектов помогает учащимся увидеть философскую глубину пушкинского текста.

Важно также обратить внимание на идиллическое начало цикла, которое, по словам исследователей, обладает «энергией зарождения, самосохранения и упрочения» [5, с. 14]. Несмотря на драматизм отдельных ситуаций, мир «Повестей

Белкина» сохраняет гармоническое основание. Это позволяет говорить о пушкинском оптимизме, о вере в нравственные основы человеческого бытия.

Методика изучения «Повестей Белкина» в средней школе должна строиться на принципах целостного восприятия, системного анализа и исследовательской активности учащихся. Сочетание традиционных и инновационных методов позволяет раскрыть художественное своеобразие цикла, сформировать культуру чтения и способствовать нравственному развитию личности. Обращение к пушкинской прозе становится важным этапом духовного становления школьника, его приобщения к ценностям отечественной классики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, О.Ю. Теория и методика обучения литературе: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / О. Ю. Богданова, С. А. Леонов, В.Ф. Чертов; под ред. О.Ю. Богдановой. — 5-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 400 с.
2. Зырянова, О.Н. Методика обучения литературе: урок в современной школе: учеб. пособие / О.Н. Зырянова, Н.А. Мазурова. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2020. —100 с.
3. Поволоцкая, О.Я. «Метель»: коллизия и смысл / О.Я. Поволоцкая // Москва. — 1989. — №6. — С. 188–195.
4. Рыбникова, М. А. Очерки по методике литературного чтения: Пособие для учителя. — 4-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1985. — 288 с.
5. Хализев, В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М.: Высш. шк., 1989. — 80 с.

Словообразование и грамматика

УДК 81'37 + 81'367.62

Д. И. Борозенец © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ *СУДИТЬ* КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ

Ключевые слова: семантическое поле, словообразовательное гнездо, когниция, семантическая группа, словообразование.

Семантическое поле представляет собой объединение лексики на основании семантических и словообразовательных связей, каждая из которых в равной мере важна для построения данной комплексной единицы. Семантические связи помогают выделять в рамках поля семантические группы — объединения лексем с близкими интегральными семами, а словообразовательные связи позволяют строить семантическое поле на основе словообразовательных гнёзд — наиболее крупных единиц деривационной системы русского языка.

Целью данного исследования является описание словообразовательного гнезда с вершиной *судить* как элемента семантического поля когниции, из чего вытекают следующие задачи: 1) определение границ субгнезда *судить* ‘составлять, высказывать мнение о ком-, чём-либо’; 2) словообразовательный и семантический анализ дериватов глагола *судить*; 3) включение производных от глагола *судить* слов в семантические группы семантического поля когниции.

Материалом исследования является словообразовательное гнездо с глагольной вершиной *судить* ‘1) составлять, высказывать какое-либо мнение, суждение; 2) оценивать (обычно негативно) чьи-либо дела, поступки; 3) рассматривать чей-либо проступок, преступление в судебном порядке; 4) следить за соблюдением правил игры и разрешать возникающие споры’. Особый интерес данное гнездо представляет в связи с тем, что его вершина является полисемантом, а потому только ряд дериватов данного гнезда входят в семантическое поле когниции (в рамках изучаемого семантического поля это не единичный случай: глаголы *гадать*, *зубрить*, *образовать* также обладают подобной характеристикой), что позволяет говорить о связи семантического поля когниции с другими семантическими полями русского языка.

Из 158 дериватов, расположенных на 4 словообразовательных ступенях словообразовательного гнезда *судить*, непосредственным материалом (для) нашего исследования является 41 производное слово, образованное от глагола *судить* в его первом значении.

На первом словообразовательном шаге данное субгнездо имеет 4 производных: существительное *суждение* ‘1) мнение, заключение о чём-либо; взгляд на что-либо; 2) мыслительное действие с понятиями, когда одно из них (субъект) определяется, описывается через другое понятие (предикат)’; глаголы *обсудить I* ‘всесторонне рассмотреть, разобрать что-либо, высказать своё мнение, свои соображения по поводу чего-либо’, *обсудить II* ‘высказать мнение о ком-либо, осуждая, критикуя чьё-либо поведение, поступки и т.п.’ и *рассудить* ‘1) разобрав обстоятельства какого-либо спорного дела, вынести решение; 2) подумав о чём-либо, прийти к какому-либо

заклучению'. Общим для всех глаголов на данном словообразовательном шаге является значение когнитивного процесса размышления, что позволяет включить их в семантическую группу Г₄S «Оперирование знанием»². Существительное *суждение* относится к семантической группе С₄N «Оперирование знанием».

На втором словообразовательном шаге расположены 13 дериватов — преимущественно это видовые пары глаголов первого словообразовательного шага (*обсуждать, обсуживать, рассуживать, рассуждать*), а также глаголы других способов глагольного действия (*переобсудить, рассудиться, порассудить*), относящиеся к той же семантической группе. Также на втором словообразовательном шаге расположены существительные *обсуждение I, обсуждение II, рассуждение*, которые сохраняют семантику производящих, отличаясь от них лишь частеречной принадлежностью, вследствие чего относятся к семантической группе С₄N «Оперирование знанием»; существительное *рассудок* '1) способность логически мыслить, рассуждать, осмыслять действительность; ум, сознание, разум; 2) здравый смысл, определяющий поведение человека; разумность', отнесённое нами к семантической группе С₃O «Имеющееся знание», и два прилагательных: *рассудливый* и *рассудительный* 'руководствующийся в своих действиях требованиями рассудка, здравого смысла; благоразумный; проникнутый благоразумием, здравым смыслом', относящиеся к семантической группе А₃S «Субъект наличия знаний и его характеристика».

На третьем словообразовательном шаге расположены 15 слов. Это постфиксальные образования от производящих глаголов (*обсуждаться, обсуживаться, рассуждаться*), относящиеся к семантической группе Г₄O «Оперирование знанием», абстрактные существительные *обсуждение* и *переобсуждение*, относящиеся к группе С₄N «Оперирование знанием»; видовые пары и глаголы другого способа глагольного действия (*переобсудить, порассуждать*), входящие в ту же семантическую группу, что и их производящие. Новыми с точки зрения семантики и словообразования на данном словообразовательном шаге являются слова *рассуждающий* (А₄S «Оперирующий знанием»), *рассудочный, безрассудный, небезрассудный, нерассудительный, малорассудительный* (А₃S «Характеристика субъекта знания»), *рассудительность* (С₃N «Качества субъекта знания») и *рассудительно* (Н_{2,4}S «Характеристика выполнения действия»).

Четвёртый словообразовательный шаг включает один постфиксальный глагол (*переобсуждаться*), входящий в семантическую группу Г₄O «Оперирование знанием», четыре наречия (*рассудочно, безрассудно, небезрассудно, нерассудительно*), относящихся к семантической группе Н_{2,4}S «Характеристика выполнения действия», а также четыре абстрактных существительных (*рассудочность, безрассудность, безрассудство, нерассудительность*), входящих в семантическую группу С₃N «Качества субъекта знания».

В ходе исследования словообразовательного субгнезда *судить* как фрагмента семантического поля когниции были получены следующие результаты.

1. Семантический и словообразовательный анализ позволили заключить, что слова одного словообразовательного типа входят в одну семантическую группу, даже будучи расположенными на разных словообразовательных ступенях.

2. Отношения между семантическими группами в рамках поля обусловлены словообразовательными связями между включёнными в данные группы лексемами.

² Наименование каждой группы включает в себя указание на частеречную принадлежность (Г – глаголы, С – существительные, П – прилагательные и причастия, Н – наречия), соотнесённость с этапом когнитивного процесса (подробнее см.: [1]), а также связь с субъектом или объектом когниции (S, O соответственно).

Так, лексемы семантической группы Г₄S «Оперирование знанием» могут стать производящими для лексем семантических групп Г₄S «Оперирование знанием», Г₄O «Оперирование знанием», С₄N «Оперирование знанием», С₃O «Имеющееся знание», А₃S «Субъект наличия знаний и его характеристика». Анализ также показывает, что отглагольные образования чаще всего входят в семантические группы, относящиеся к тому же этапу когнитивного процесса, что и производящий глагол.

Полученные результаты могут быть экстраполированы на другие словообразовательные гнезда русского языка как на синхронном срезе, так и в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борозенец, Д.И. Классификация единиц лексико-семантического Поля когниции (на материале русского языка) / Д.И. Борозенец // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 7–10.

УДК 81`42

М. А. Газаты © 2026
Государственное бюджетное
образовательное учреждение
«Гимназия № 33 г. о. Донецк»
(Науч. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

ПОНЯТИЕ ОБ АББРОКОНСТРУКТНОЙ ГРУППЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ «БУХ» — БУХГАЛТЕРСКИЙ)

Ключевые слова: абброконструктная группа, сложносокращённое слово, дешифровальная модель, ономаσιологический анализ.

Актуальность исследования. Современное словообразование русского языка демонстрирует активное функционирование сложносокращённых слов (ССС), в структуре которых используются абброконструкты — сокращённые эквиваленты компонентов исходного словосочетания. Традиционно аббревиатурные группы описываются как совокупности слов с одинаковым препозитивным сокращённым компонентом. Однако один и тот же абброконструкт может реализовываться в разных позициях слова — препозитивной, постпозитивной и медиальной. Это требует уточнения терминологического аппарата и разработки более универсального подхода к описанию подобных образований.

В связи с этим вводится термин абброконструктная группа (АКГ) — объединение всех сложносокращённых слов, содержащих один и тот же абброконструкт независимо от его позиции.

Цель и задачи исследования.

Цель работы — описание абброконструктной группы бух (бухгалтерский).

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Определить содержание понятия «абброконструктная группа».
2. Описать методику анализа АКГ.
3. Выявить формальные и семантические особенности АКГ бух.

4. Охарактеризовать её дешифровальные модели и ономаσιологические параметры.

Материал и методы.

Материалом исследования послужили данные «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка» (2025).

Анализ проводился на основе:

квантитативного принципа,

структурно-формального анализа,

семантического и ономаσιологического подходов.

Основные результаты исследования

АКГ бух объединяет все ССС с абброконструктом бух, обозначающие объекты, процессы и явления, связанные с бухгалтерской сферой.

Установлено, что:

группа является малокомпонентной и включает 36 регулярно воспроизводимых аббревиатурных пар, образующих 13 гнёзд эквивалентности;

по характеру частотности группа относится к универбализационному типу;

по структурной организации является аббревиатурной;

по характеру репрезентации компонентов — относится к смешанному типу (сокращён как признаковый, так и базисный компонент: бухуслуги, главбух);

по структуре дешифровальной матрицы — смешанная, включает презентативные, релятивные и модификативные модели;

матрица малокомпонентна (4 леммы: бухгалтерский, бухгалтер, бухгалтерия, бухучёт);

конструкт бух является однозначным и не вступает в омонимические отношения.

Выявлено 7 формально-структурных моделей эквивалентности, описывающих типы соотношения аббревиатуры и исходного словосочетания (например: бухбаланс — бухгалтерский баланс, бухзапись — запись в бухгалтерском учёте, главбух — главный бухгалтер).

Ономаσιологический аспект

В рамках ономаσιологического анализа единицы АКГ бух распределены по трём классам:

Информация (бухбаланс, бухотчёт, бухучёт)

Действие (бухуслуги)

Помещение (бухотдел)

В каждом классе реализуются кваликативные, локативные и посессивные модели номинации, что свидетельствует о системности вторичной номинации и сохранении семантического ядра исходного прилагательного бухгалтерский.

Выводы

В работе обоснована необходимость введения термина абброконструктная группа как более универсального понятия по сравнению с аббревиатурной группой.

Анализ АКГ бух показал, что:

группа обладает чёткой структурной организацией,

характеризуется устойчивой системой дешифровальных моделей,

демонстрирует закономерности формальной и семантической репрезентации абброконструкта.

Ономаσιологический подход дополняет формально-структурное описание и позволяет выявить механизмы вторичной номинации в системе сложносокращённых слов русского языка.

К. Ю. Емельянова © 2026
 Федеральное государственное бюджетное
 образовательное учреждение высшего образования
 «Донецкий государственный университет»
 (Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ³

Ключевые слова: *окказиональные эквиваленты, баланс индексов, формальный анализ, ономаσιологический анализ, символы, глубинные падежи.*

В теории Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации под **окказиональными эквивалентами** понимаются «малочастотные словосочетания, имеющие баланс индексов с соответствующим сложносокращённым словом > 500» [1, с. 223]. **Баланс индексов** определяется как «частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [2, с. 18]. Например, в аббревиатурной группе «евро» насчитывается 60 окказиональных эквивалентов: *валюта европейской страны — евровалюта* (баланс индексов — 2397,57), *валюта еврооблигаций — евровалюта* (баланс индексов — 851,84), *государство европейской зоны — еврогосударство* (баланс индексов — 520,47), *группа европейцев — еврогруппа* (баланс индексов — 699,59), *группа из Европы — европейская группа* (баланс индексов — 1615,56), *группа в Европе — еврогруппа* (баланс индексов — 1372,91), *декор из Европы — евродекор* (баланс индексов — 2302,73), *декор Европы — евродекор* (баланс индексов — 3286,42), *депутат из Европы* (баланс индексов — 10864,08), *депутат Европы* (баланс индексов — 1017,16), *депутат европейских стран* (баланс индексов — 800,33), *депутат Еврокомиссии* (баланс индексов — 778,38), *зона европейских стран* (баланс индексов — 2003,53), *интеграция европейцев* (баланс индексов — 8483,66), *интеграция в Евросоюзе* (баланс индексов — 6221,35), *европейский куб* (баланс индексов — 752,99) и т. д.

Описание окказиональных эквивалентов необходимо для того, чтобы определить второстепенные модели интерпретации значений и причины их появления. В данном исследовании осуществляется ономаσιологический и формальный анализ окказиональных единиц.

Формальный (формально-структурный) анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания.

Для моделирования применяются следующие символы: **у** — базисный компонент, **х** — признаковый компонент, то есть дешифровальный стимул аббревиатурного слова, **адъект** — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), **сущ** — существительное, **предл** — предлог, **а** — компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, **z** — слово, входящее в дешифровальный стимул-словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. В аббревиатурной группе «евро» обнаружены следующие модели:

- *валюта европейской страны* и др. (всего 18 единиц): х(адъект)-z(адъект)-у;

³ Работа выполнена в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3).

- *валюта еврооблигаций* и др. (всего 10 единиц): у-х(адъект)-z;
- *группа европейцев* и др. (всего 8 единиц): у-х(сущ);
- *группа из Европы* и др. (всего 6 единиц): у(предл)-х;
- *интеграция в Евросоюзе* и др. (всего 5 единиц): у(предл)-х-а(сущ);
- *европейский куб* и др. (всего 3 единицы): х(адъект)-у;
- *курсы валют европейских стран* и др. (всего 2 единицы): у-х(адъект)-z(адъект)-z;
- *монета стран Евросоюза* и др. (всего 3 единицы): у-z(сущ)-х;
- *отделка по европейскому стандарту* и др. (всего 5 единиц): у-(предл)х(адъект)-z;

Ономасиологический (семантико-ономасиологический) анализ выявляет ономасиологическую структуру (модель) дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания. Были обнаружены следующие семантические (глубинные) падежи:

Каузатив — объект, выступающий в качестве причины возникновения события;

Локатив — местонахождение актанта;

Делибератив — объект описания;

Бенефициантив — объект, в пользу которого разворачивается событие;

- *валюта европейской страны*: объект + каузатив;
- *валюта еврооблигаций*: объект + каузатив;
- *группа европейцев*: объект + каузатив;
- *группа из Европы*: объект + локатив;
- *интеграция в Евросоюзе*: объект + локатив;
- *европейский куб*: объект + делибератив;
- *курсы валют европейских стран*: объект + каузатив;
- *монета стран Евросоюза*: объект + локатив;
- *отделка по европейскому стандарту*: объект + бенефициантив.

Таким образом, в результате исследования было рассмотрено 60 окказиональных эквивалентов аббревиатурной группы «евро». Обнаружены следующие формальные модели: х(адъект)-z(адъект)-у, у-х(адъект)-z, у-х(сущ), у(предл)-х, у(предл)-х-а(сущ), х(адъект)-у, у-х(адъект)-z(адъект)-z, у-z(сущ)-х, у-(предл)х(адъект)-z и такие ономасиологические модели, как каузатив, локатив, делибератив и бенефициантив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянова, К. Ю. Квазиаббревиация и окказиональная эквивалентность в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Емельянова Ксения Юрьевна. — Донецк, 2026. — 238 с.
2. Теркулов, В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. — 2016. — №3. — С. 13–25.

УДК 81'42

В. П. Чернощёкова © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

**ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ АББРЕВИАТУР —
НАЗВАНИЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Ключевые слова: инициальный оним, аббревиатура, акроним, алфавитизм, название вуза, формальная модель.

В докладе рассматриваются формальные модели образования аббревиатур — названий высших учебных заведений. Целью исследования является описание инициальных онимов как основного способа аббревиации в сфере университетской номинации, а также формализация структурных моделей их построения.

Анализируется состав полного наименования вуза и предлагается схема его структурного описания с использованием условных обозначений компонентов и их грамматических характеристик.

Под инициальными онимами понимаются аббревиатуры, при создании которых происходит замена слова, входящего в словосочетание, его первым звуком или первой буквой, не имеющими семантической закреплённости [1, с.104]. Инициальные онимы, в зависимости от способа фонетической реализации, делятся на алфавитизмы (побуквенное произношение: МГУ [эм-гэ-у]) и акронимы (слитное произношение: РАНХиГС [ранхигс]).

Полное наименование высшего учебного заведения — синтаксически сложная номинативная конструкция, типично включающая: географический указатель, выполняющий функцию локализации *М* (Московский), *Дон* (Донецкий) и т. д. Следующим компонентом выступает статусный признак, определяющий статус учреждения *Г* (государственный) и т. д. Профильный признак для дифференциации внутри группы *Т* (технический), *М* (медицинский), и т. д. Завершающим, базисным элементом служит главное слово, обозначающее тип учебного заведения *У* (университет), *И* (институт) и т. д.

Формализация описания достигается через создание условных формул, где *y* — базисный компонент (главное слово); *x* — признаковый компонент; *x*₂ — постпозитивный уточнитель; *g* — имя собственное; *b* — вложенная аббревиатура; *r* — компонент институциональной принадлежности.

Далее определяется частеречная принадлежность дешифровок с использованием следующих условных обозначений: **прил** — прилагательное (адъектив); **сущ** — имя существительное; **предл** — предлог. Для обозначения аббревиатурного эквивалента используются следующие символы: **Чосн** — часть основы компонента словосочетания; **Б** — аббреконтрукт, образованный по принципу инициальной аббревиации; **комп** — сложные слова, которые входят в словосочетание. Для каждого компонента слова и словосочетания указывается грамматическое значение: число (ед. — единственное число; **мн.** — множественное), падеж (**1**– именительный; **2** — родительный и т.д.).

На практике выделяются типовые схемы, наиболее частотные для названий вузов:

I. Базовые модели

2x(адъект) — y:

2Прил₁ед + Сущ₁ед = ЧоснПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед
(ДонГУ — Донецкий государственный университет).

3x(адъект) — y:

3Прил₁ед + Сущ₁ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед(комп) + БСущ₁ед
(МГППУ — Московский государственный психолого-педагогический университет)

4x(адъект) — y:

4Прил₁ед + Сущ₁ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед
(УГНТУ — Уфимский государственный нефтяной технический университет).

II. Модели с одним постпозитивным уточнителем (x_2)

$$x(\text{а́дъект}) — y — x_2:$$

Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед = БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂ед
(АИЭ — Алтайский институт экономики).

$$2x(\text{а́дъект}) — y — x_2:$$

2Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂ед
(МГИК — Московский государственный институт культуры).

$$3x(\text{а́дъект}) — y — x_2:$$

3Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂мн = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂мн
(РГСАИ — Российская государственная специализированная академия искусств).

$$4x(\text{а́дъект}) — y — x_2:$$

4Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂мн = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂мн
(ЧВВАУШ — Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов).

III. Модели с двумя постпозитивными уточнителями ($2x_2$)

$$x(\text{а́дъект}) — y — 2x_2:$$

Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед + иСущ₂ед = БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂ед + БСущ₂ед
(БИУБ — Брянский институт управления и бизнеса).

$$2x(\text{а́дъект}) — y — 2x_2:$$

2Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед + иСущ₂ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂ед + БСущ₂ед
(ПГУАС — Пензенский государственный университет архитектуры и строительства).

IV. Модели с тремя постпозитивными уточнителями ($3x_2$)

$$x(\text{а́дъект}) — y — 3x_2:$$

Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед + Сущ₂ед + иСущ₂ед = БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂ед + БСущ₂ед + БСущ₂ед
(БУКЭП — Белгородский университет кооперации, экономики и права).

Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂мн + Сущ₂ед + иСущ₂ед = БПрил₁ед + БСущ₁ед + БСущ₂мн + БСущ₂ед + БСущ₂ед
(КИФЭИ — Казанский институт финансов, экономики и информатики).

V. Модели с именами собственными (g)

$$3x(\text{а́дъект}) — y — g:$$

3Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + Сущ₂ед
(МГТУ им. Н.Э. Баумана — Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана).

$$4x(\text{а́дъект}) — y — g:$$

4Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед = БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + Сущ₂ед
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова — Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова).

VI. Модели с вложенными аббревиатурами и компонентами принадлежности (b; r)

$x(\text{аdjект}) — y — b:$

Прил₁ед + Сущ₁ед + аббревиатура = БПрил₁ед + БСущ₁ед + аббревиатура
(*ПИ ФСИН* — Пермский институт ФСИН).

$2x(\text{аdjект}) — y — r:$

2Прил₁ед + Сущ₁ед + Сущ₂ед + Сущ₂ед = БПрил₁ед(комп) + БПрил₁ед + БСущ₁ед
(*СПбГУ* — Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины

II).

$x(\text{аdjект}) — y — b — g:$

3Прил₁ед + Сущ₁ед + аббревиатура + Сущ₂ед = БПрил₁ед(комп) + БПрил₁ед + БПрил₁ед + БСущ₁ед + аббревиатура + Сущ₂ед
(*СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова* — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова).

VII. Модели без препозитивных адъективов:

$y — x_2:$

Сущ₁ед + Прил₂ед + Сущ₂ед = БСущ₁ед + БПрил₂ед + БСущ₂ед
(*ИСК* — Институт славянской культуры).

$y — 2x_2:$

Сущ₁ед + Сущ₂ед + Сущ₂ед + иСущ₂ед = БСущ₁ед + БСущ₂ед + иБСущ₂ед
(*ИЭУиП* — Институт экономики, управления и права).

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов, В.И. Сложносокращенные аппеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 104.

УДК 81

А. В. Чистоклетова © 2026

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

**АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА: ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ КОНСТРУКТАМИ⁴**

Ключевые слова: аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономасиологическое поле, абброконструкт, сложносокращенное слово.

Целью работы является составление типологии отношений между абброконструктами (далее — АК) аббревиатурных групп (далее — АГ), входящих в одну аббревиатурную парадигму (далее — АП), под которой мы понимаем

⁴ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134 "«Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»", <https://rscf.ru/project/26-18-20134/>

«совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [1, с. 91].

Материалом для исследования стали 5858 частично сокращённых и слоговых аббревиатур. Источником материала послужил словарь создаваемого Донецкой дериватологической школой «Толкового словаря сложносокращённых слов».

АГ — объединение сложносокращённых слов (далее — ССС), имеющих одинаковый начальный АК. Например, слова *автоавария*, *автовладелец*, *автокомпания* и под. имеют одинаковый начальный конструкт *авто-*, на основании чего входят в АГ «*авто*»; слова *зоолаборатория*, *зоомагазин*, *зооуголок* и под. имеют одинаковый начальный конструкт *зоо-* и входят в АГ «*зоо*» и т. д.

ССС — аббревиатура, «связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)», определяемым как «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [1, с. 74]: *мототрасса* (< *мотоциклетная трасса*, *трасса* для *мотоциклов*), *завлит* (< *заведующий литературной частью*) и т. п.

Объектом исследования являются АП «*агро-сельхоз*» (аграрный — сельскохозяйственный), «*зоо-вет*» (зоологический — ветеринарный), «*авто-мото-вело*» (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный), «*зам-пом*» (заместитель — помощник), «*зав-нач*» (заведующий — начальник) и «*жен-муж*» (женский — мужской), и входящие в них АГ и ССС, а **предметом** — семантические отношения между АК входящих в них АГ.

АГ, объединённые одной АП, входят в одно **аббревиатурно-ономасиологическое поле** (далее — АОП), понимаемое нами как объединение ССС, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе. АГ «*агро*» (*аграрный*) и «*сельхоз*» (*сельскохозяйственный*) объединяют сложносокращённые слова с синонимичными АК, выражающими принадлежность объекта номинации к сфере сельского хозяйства, например *агроавиация* — «структурное подразделение агрохозяйства, использующее самолёты и вертолёты для выполнения разнообразных сельхозработ». Такое же значение имеет сложносокращённое слово *сельхозавиация* — они употребляются в одном тексте как абсолютные синонимы: *По сей день агроавиация остается незаменимым инструментом сельхозпроизводителей, помогающим добиваться рекордных урожаев. — 8 июля 2022 г. исполнилось 100 лет сельхозавиации России.* (<https://www.aviaport.ru/news/724061/>).

Во всех рассматриваемых АГ, входящих в одну АП, отмечается большое количество пар слов, имеющих одинаковый базис (та часть ССС, которая не соответствует АК): *автоаккумулятор* — *мотоаккумулятор* — *велоаккумулятор*, *зоолаборатория* — *ветлаборатория* и т. п. Наличие в этих словах АК, входящих в одно АОП, прежде всего даёт основание предположить их синонимичность. Например, в паре *агроинструмент* — *сельхозинструмент* (базис *инструмент*) оба ССС слова имеют одно и то же значение — «ручное орудие, предназначенное для выполнения сельскохозяйственных работ». В этом случае мы можем говорить об АК, которые являются **полными синонимами**. Нами было выделено 3 пары таких АК: «*агро-*» (аграрный) — «*сельхоз-*» (сельскохозяйственный), «*зам-*» (заместитель) — «*пом-*» (помощник), «*зав-*» (заведующий) — «*нач-*» (начальник).

Помимо этого, между входящими в одно АОП АК могут проявляться отношения **частичной синонимии**. Например, слово *зоолаборатория* (*зоологическая лаборатория*) имеет значение «помещение, специально приспособленное для

технических и научно-исследовательских опытов, связанных с изучением животных», а слово *ветлаборатория* (*ветеринарная лаборатория*), имеющее тот же базис, — значение «лаборатория, в которой осуществляются исследования в области ветеринарии». Во втором случае при дешифровке ССС актуализируется одно из значений многозначного понятия «зоологический» — «осуществляющий изучение животных, их лечение, уход за ними».

Выделяются также АОП, в которых АК имеют в значениях одну общую сему, но противопоставляются по остальным, формируя один гипо-гиперонимический ряд. Такие отношения иллюстрирует пара *женофобия* — *мужефобия* (АОП «биологический пол человека», АП «жен-муж»). Такие пары и ряды ССС используются для обозначения одних и тех же событий, объектов, явлений действительности и т. д., противопоставленных при этом по какому-либо ключевому признаку: биологический пол лица, над которым совершается действие (*женоубийство* — *мужеубийство*); объект, над которым совершается действие (*автоаренда* — *мотоаренда* — *велоаренда*) и т. д.

Таким образом, нами было установлено, что АП представляет собой объединение ССС с АК, входящими в одно АОП, которое является объединением лексико-семантических групп ССС. В ходе работы было установлено, что между ССС, входящими в одну АП и имеющими одинаковый базис, могут устанавливаться отношения полной синонимии, частичной синонимии и гипо-гиперонимии, что делает возможным выделение соответствующих типов отношений между АК АГ, входящих в одну АП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 81-11

А. А. Алтухова © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Т. Ю. Завьялова)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ» В ПОЭМЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, советский солдат, собирательный образ, национальная культура.

Поэма Александра Твардовского «Василий Тёркин» [4] представляет собой исключительный материал. Это произведение выходит за рамки простого описания военных событий. Оно стало настоящим спутником солдат, которые читали его в окопах и находили в образе главного героя отражение себя и своих товарищей. Неудивительно, что поэма обрела поистине народную любовь еще при жизни автора.

С культурологической точки зрения, Василий Тёркин представляет собой воплощение русского национального характера. Ключевой особенностью образа является его подчеркнутая «обыкновенность». Автор сам говорит об этом прямо: *Тёркин — кто же он такой? Скажем откровенно: / Просто парень сам собой / Он обыкновенный.* Кроме того, автор добавляет: *Скажем откровенно: / Красотою наделён / Не был он отменной, / Не высок, не то чтоб мал, / Но герой — героем...*

Твардовский сознательно отказывается от внешних черт в пользу внутреннего содержания. Это и является главным художественным приемом, который сделал героя «своим» для миллионов людей.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что на страницах произведения А. Т. Твардовского находит яркое воплощение репрезентация лингвокультурного типажа «советский солдат», который, по словам исследователей, представляет собой «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [2, с. 179]. По словам исследователей, «лингвокультурный типаж возникает не планомерно, а появляется в результате развития общества, он отличается многомерностью, отражая различные характеристики и свойства типизируемого субъекта. Совокупность типажей является слепком культуры» [3, с. 20-21].

При описании лингвокультурного типажа «советский солдат» мы руководствовались методикой, разработанной О.А. Дмитриевой [1], суть которой заключается в моделировании паспорта лингвокультурного типажа на основе таких важных характеристик, как внешний облик, возраст, гендерная принадлежность, происхождение, место жительства, коммуникативное поведение.

1. Внешний облик.

Как уже отмечалось в нашем исследовании, Александр Трифонович не дает точного описания героя, так как образ является действительно собирательным: *Парень в этом роде / В каждой роте есть всегда, Да и в каждом взводе...* Твардовский делает акцент на героические подвиги Теркина, а не на его внешние черты.

Одежда у Василия Теркина военная: шинель, гимнастерка, шапка-ушанка: *Шёл боец в шинели новой, / Догонял свой полк стрелковый; Тяжела, мокра шинель, / Дождь работал добрый; Как прошел он, Вася Теркин, / В просоленной гимнастерке.*

2. Возраст.

Возраст Василия Теркина проговаривается героем самим: *Сколько лет живем на свете? / Двадцать пять.*

Конкретный возраст всех героев не указан, однако при их описании можно сказать, что возрастной диапазон солдат довольно обширен. Например, командир-окруженец из главы «Перед боем» является семьянином, он старше Теркина. Описывая солдата из главы «Про солдата-сироту» Твардовский указывает лишь то, что он «не стар, не молод».

3. Гендерная принадлежность. В поэме «Василий Тёркин» она определяется сугубо мужским полом. Образы женщин присутствуют: солдатская мать из главы «По дороге на Берлин», старуха из главы «Дед и баба», жена командира из главы «Перед боем». Но в боевых сражениях они не принимают участие.

4. Происхождение. Во время Великой Отечественной войны в ряды советских солдат вступали представители разных сословий, профессий. Классовые ограничения были полностью стерты, за защиту Отчизны выступал каждый, будь он интеллигентом или рабочим, занимавшимся физическим трудом. Герой Твардовского Василий Теркин является сельским парнем из Смоленской области: *А не носит писем почта / В край родной смоленский твой; Нет дороги, нету права / Побывать в родном селе... В сцене из госпиталя встречается мужчина из Тамбова: Я как раз из-под Тамбова, / — И потрогал орден свой.*

5. Место жительства. На фронте солдаты спят, где им придется. В самом начале произведения Твардовский пишет о ночлежке под открытым небом: *Крыша — небо, хата — ель, / Корни жмут под ребра; И приник к земле сырой, / Одолен истомой, / И лежит он, мой герой, / Спит себе, как дома.*

Твардовский упоминает и укрытия советских солдат (*Под горой, в штабной избушке*), и врачебные отделения (*Как-то в госпитале было. / День лежу, лежу второй*).

6. Окружение. Окружение советского солдата обусловлено военным положением. Близкие Теркину люди — сослуживцы, которые являются для него не только друзьями, но и близкими людьми. Находясь в солдатском кругу, Тёркин может хоть на время успокоиться от боевых сражений, пошутить. Важной и показательной является глава «Смерть и воин», где Смерть пытается заключить с Тёркиным сделку. Солдат долго не сдается ей, но его силы иссякают, и тогда на помощь приходят братья-солдаты: *Дело, стало быть, в привычке, / Заключают земляки.— / Что ж ты, друг, без рукавички? / На-ко теплую, с руки... / И подумала впервые / Смерть, следя со стороны: До чего они, живые, / Меж собой свои — дружны. / Потому и с одиночкой / Сладить надобно суметь, / Нехотя даешь отсрочку./ И, вздохнув, отстала Смерть.*

7. Коммуникативное поведение. Рассматривая коммуникативное поведение солдата, прежде всего, стоит обратить внимание на речевой этикет, который характерен для военной среды, а также стилистическую окраску слов. Естественным в солдатских кругах являются просторечные разговорные высказывания: *Слышь, подкинь еще одну. / Оцени, добавь чуток. / Прут немецких тыща танков... / Ведь не видит ни черта. / Может в голову ударить, / Или попросту, в башку.*

Таким образом, поэма Александра Твардовского «Василий Тёркин» — это не просто агитационное произведение или военная хроника. Автор сумел увидеть в образе обычного солдата черты универсального, архетипического героя. С культурологической точки зрения, Тёркин воплощает русский национальный характер:

его простота оборачивается истинной народностью, а бытовые детали создают понятную всем картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева, О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. — 307 с.
2. Карасик, В.И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
3. Карасик, В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. — Волгоград, 2005.
4. Твардовский, А.Т. Стихотворения. Поэмы / Под ред. А. Козловского, И. Израильской. — М.: Изд-во «Худ. лит-ра», 1971. — 688 с.

УДК 81'42

Е. А. Гринько © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. Е. Касьяненко)*

ОТ «НАТЮРМОРТА» К «НЕРД-АРТУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СМЕНЫ КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ

Ключевые слова: неонминация, лингвокультурология, жанр, арт-дискурс, глитч-арт, дэйта-арт, нерд-культура.

На сегодняшний день каждая сфера человеческой жизни претерпевает колоссальные изменения в связи с небывалым технологическим развитием. Одно из самых выделяющихся и спорных явлений сегодня — это развитие искусственного интеллекта или ИИ. То, что раньше казалось возможным только в фантастических фильмах или романах, существует уже сегодня. За последние 6 лет искусственный интеллект прошёл развитие от чего-то нового и непонятного к привычному и используемому на регулярной основе инструменту. Многие люди используют его в работе и учёбе, но немногие задумываются о том, какие изменения претерпел наш язык, пытаясь отразить новую реальность.

Наблюдаемые перемены в языке связаны преимущественно с социокультурными изменениями, которые привели к значительным трансформациям в соотношении вариантов языковой нормы.

В современных работах по лексикологии, в частности о проблемах *неологии*, используется несколько синонимичных терминов для обозначения новых лексических единиц: *лексические инновации*, *лексические новшества*, *инновации*, *новообразования (лексические и индивидуально-авторские)*, *новые слова*, *собственно неологизмы*, *новые номинации*. В данной работе мы оперируем термином **новейшие номинации или неонминации**, который отражает активные процессы в области лексического словообразования.

Прежде чем говорить о неонминациях, следует поговорить о неологизмах. Ахманова О.С. и Фомина М.И. *неологизмами* называют слова, которые появляются для обозначения новых понятий о предметах, явлениях и т. д.

Что же касается термина «неонминация» или «новая номинация», то это «номинация, то есть наименование новых реалий, новых объектов, единиц лексики». Появление новых реалий, предметов материальной и духовной культуры определяют

необходимость выявления такой задачи языка, по определению А.А. Уфимцевой, как «обеспечение всех сфер жизнедеятельности человека новыми именованиями» [5, с.88].

Таким образом, лексическая номинация рассматривается с точки зрения ее структуры как языкового знака и ее связи с означаемым феноменом. Механизм неологической номинации непосредственно сопряжен с познавательным процессом, а сам акт неономинии рассматривается как динамический процесс, отражающий работу языкового сознания [2].

Сегодня сфера искусства является одной из самых быстро пополняемых сфер по своему лексическому составу и его разнообразию. Это связано с тем, что искусство, являясь средством выражения действительности, старается как можно точнее дать отклик на происходящее в нашей жизни, отразить смену событий и появление новых тенденций. Наиболее плодотворными являются номинации, появившиеся посредством заимствования, в таком случае корректнее говорить о *неозаимствованиях*.

Заимствование лексики — один из наиболее активных языковых процессов в современном русском языке (работы Л. П. Крысина, В. Г. Костомарова, Э. Ф. Володарской, М. А. Кронгауза, И. А. Стернина, Е. В. Мариновой и др.). Обозначившись в 80-е гг. XX в., он не потерял своей актуальности по сей день, ср. новейшие заимствования: *блэкаут, митап, газлайтинг, каминг-аут, инфлюенсер, фоллоу-ап* и др. Попав на почву языка-реципиента, заимствования не только входят в речевой обиход, но и влияют на языковую систему, в частности, на лексическую парадигматику [4].

При семантическом анализе инновационных образований возникают трудности при определении лексического значения данных единиц. Такого ряда вопросы решаются с помощью обращения к словарям иностранных слов, толковым словарям, словарям неологизмов, морфемным словарям, если же отсутствуют какие-либо сведения об анализируемой единице, то значение определяется на основании контекстного употребления.

Усиление значения процесса неозаимствования в русском языке происходит за счёт возросшего влияния Интернета на нашу жизнь. Социальные сети, в особенности такие, как Telegram, TikTok, медиа-журналы, личные блоги, каждый день приносят в нашу жизнь новые слова. В русском языке такие новшества становятся важным индикатором в культурной жизни, а их усвоение и интеграция в обыденный лексикон свидетельствует о растущем интересе к различным формам художественного самовыражения.

Жанровая система изобразительного искусства долгое время представляла собой устойчивую иерархическую структуру, язык которой был универсальным кодом для описания видимого мира. Такие термины, как «натюрморт» (застывшая жизнь), «пейзаж» (образ страны), «портрет» (воспроизведение черт), не просто классифицировали произведения, но и задавали рамки восприятия, указывая на фундаментальные для европейской культуры объекты репрезентации: природу, человека, быт. Их этимология и семантика укоренены в конкретной материальной и социальной реальности.

Однако на рубеже XX-XXI веков происходит взрывной рост новых жанровых обозначений, чья внутренняя форма отсылает уже не к миру природы или лица, а к сферам технологий, данных, биологии и субкультур: *глитч-арт, дэйта-арт, био-арт, NFT-арт, киберпанк-арт, нерд-арт*. Этот лингвистический сдвиг не является случайным или сугубо номенклатурным. Он представляет собой диагностический симптом радикальной трансформации культурных доминант. Если традиционные жанры отражали эпоху антропо- и натуроцентризма, то новые неономинии маркируют эпоху датацентризма, технологической опосредованности и нишевых идентичностей.

Традиционная жанровая система сформировалась в контексте европейского рационализма и представления о мире как об упорядоченной, стабильной системе, доступной наблюдению и мастерному воспроизведению.

- Натюрморт (от фр. *nature morte* — «мёртвая природа») акцентировал власть человека над природным и бытовым миром, его способность зафиксировать, классифицировать и эстетизировать предмет. Жанр говорил о *контроле* и *порядке*.

- Пейзаж (от нем. *Landschaft*) отражал не только эстетизацию природы, но и национально-территориальное сознание, связь с конкретной «землёй». Это был жанр *принадлежности* и *созерцания*.

- Портрет (от лат. *protrahere* — «извлекать наружу, обнажать») концентрировался на индивидуальности, социальном статусе, внутреннем мире личности. Он утверждал *ценность индивидуального «Я»*.

Эти термины работали как прозрачные окна в устоявшуюся реальность. Их функция была преимущественно описательно-классификационной. Культурной доминантой здесь была референциальность — соотнесение изображения с внешним, общепонятным миром.

С распадом «больших нарративов», цифровой революцией и становлением общества знаний искусство обратилось к новым предметам рефлексии. Язык, не успевая за практиками, начал генерировать гибридные термины, чья структура «базовое понятие + арт» указывает на вторжение искусства в чуждые ему ранее сферы.

Рассмотрим несколько неоминаций, которые появились как обозначения новых жанров в искусстве:

- **«Глитч-арт»** (от англ. *glitch* — сбой, помеха, кратковременная ошибка) фундаментально противостоит классической идее мастерства и контроля, заложенной в «натюрморте». Если «мёртвая природа» — это остановленное, зафиксированное совершенство, то глитч — это культура процесса, неконтролируемого события, девиации. Источник вдохновения при этом не природа или человек, а технологическая среда в момент её поломки, «смерти» алгоритма, т.е. это искусство, исследующее тень цифрового мира.

- **«Дэйта-арт»** (data art) совершает ещё более радикальный разрыв с традицией. Его объектом является абстрактная, невидимая сущность — информация: большие данные (big data), потоки информации, статистические наборы, алгоритмические процессы. Это попытка найти образ для имматериальной основы современной цивилизации.

- Показательным примером смены героя является возникновение условного обозначения **«нерд-арт»** (nerd art) или его синонимов («гик-культура в искусстве»). Это не строгий термин, но устойчивый дискурсивный маркер. Для этого жанра используются за основу миры комиксов, видеоигр, научной фантастики, фэнтези, поп-культуры, мемов, интернет-фольклора.

Нерд, гик — носитель узкоспециального, часто маргинализованного знания, фанат. Его личная мифология и опыт становятся легитимным содержанием для высокого искусства. Это торжество *нишевой идентичности*.

Если классический портрет утверждал универсальную ценность индивидуальности, то «нерд-арт» утверждает ценность специфической, субкультурной идентичности. Жанр стирает границы между «высоким» и «низким», между персональной одержимостью и серьёзным высказыванием.

Эволюция от «натюрморта» к «нерд-арту» — это не просто расширение лексикона искусствоведов. Это зеркало тектонического сдвига в культуре: от стабильного, вещного, антропоцентричного мира — к миру текучему, цифровому, дата-

драйвенному и полицентричному, где центром может стать сбой в системе, поток информации или страсть фаната.

Новые жанровые неонминации выполняют конституирующую функцию: они не столько описывают готовые явления, сколько помогают им родиться и обрести статус в поле искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кикодзе, Е. «Глитч: эстетика случайного сбоя». — Разногласия, 2020.
2. Кольцова О. В. Лексико-семантическая группа как единица описания языковой картины мира // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. №1.
3. Корбут, М.А. К вопросу о неонминациях в современном арт-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 78.
4. Ольховская, А. И. Специфика синонимических заимствований в современном русском языке // МИРС. 2022. №2.
5. Шагалова, Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 943 с.

УДК 821.161.1

Е. В. Лаврикова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КИТИ ЩЕРБАЦКОЙ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Ключевые слова: психолингвистический анализ персонажа, темперамент, языковой маркер, языковая личность героя.

Данная работа начинает цикл исследований, посвященных детальному рассмотрению психолингвистических особенностей культовых героинь Золотого века русской литературы.

Исследование посвящено княгине Екатерине Александровне Щербацкой — одной из основных героинь романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина». **Объектом** исследования выступает речевой портрет одного из ключевых женских персонажей русской классической литературы XIX века — княгини Кити Щербацкой, **предметом** — психолингвистические характеристики, отраженные в речевой деятельности героини.

Цель исследования — анализ лексико-семантических особенностей, синтаксических конструкций, стилистической характеристики речи Кити и выявление психолингвистических маркеров темперамента героини.

Психологами П. И. Сидоровым и А. В. Парниковым **темперамент** объясняется как «характеристика индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности» (темпа, ритма, интенсивности процессов) [1. с. 394]. Классификация И. П. Павлова формирует четыре основных типа ВНД [1]: сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик.

В результате анализа речи и поведения Кити Щербацкой в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» мы определили, что характер княжны следует относить к сангвиническому складу. Для человека с таким темпераментом характерны энергичность и уравновешенность, ему свойственна высокая адаптивность, инициативность и продуктивная работоспособность, его речь эмоциональная, а мимика выразительная. Такие люди могут быть слишком импульсивными и недостаточно усидчивыми.

Эмоциональный фон княжны гибкий, свои чувства она показывает открыто и ярко, особенно в начале произведения, когда ум ее еще не обременен тяжелыми мыслями. Щербацкая проницательна и прямолинейна, но также и внимательна, что не оставляет окружающих ее героев романа равнодушными: *Он приблизился к ней с робостью, но опять ее улыбка успокоила его. Она подала ему руку <...> “С вами я бы скорее выучилась, я почему-то уверена в вас...”* [2, с. 32].

На балу, где присутствовали Алексей Вронский и Анна Каренина, мечты и надежды Кити рушатся, огорчение впоследствии сменяется стыдом и отчаянием, которые она переживает глубоко внутри, из-за чего заболевает и физически: *Никто, кроме ее самой, не понимал ее положения, никто не знал того, что она вчера отказала человеку, которого она, может быть, любила, и отказала потому, что верила в другого* [2, с. 81]. В это непродолжительное время ее состояние нестабильно, что сопровождается излишней эмоциональностью, порывистостью и тревожностью. Речь Кити экспрессивна, а жесты резки: *Ах, ужаснее всего мне эти соболезнованья! — вскрикнула Кити, вдруг рассердившись. Она повернулась на стуле, покраснела и быстро зашевелила пальцами...* [2, с. 119]. Примечательным видится, что предложения ее короткие и отрывистые, что свидетельствует об остроте переживаний, а также в речи присутствует большое количество восклицаний. В романе часто ее выразительные жесты и действия отражают те яркие эмоции, которые она испытывает.

После бала княжна с родителями отправляется на немецкие воды для лечения. В Содене она недолго придает грусти, вскоре, после знакомства с m-le Варенькой, Кити находит свое исцеление в заботе о других и затем — в осознании того, что ей чужда такая жизнь и поведение, которые она старалась себе навязать. Однако этот опыт помог ей повзрослеть и по возвращении домой при встрече с Константином Дмитриевичем Левиным она была уже «совсем другая»: испуганная, пристыженная, робкая, увидев его, *она обрадовалась и смутилась от своей радости до такой степени, что <...> казалось, что она не выдержит и заплачет* [2, с. 301]. Видится, что барышня стала еще более сдержанна в выражении своих чувств на людях, но не перестала ощущать глубоко и ярко, что передает ее выразительная мимика. Екатерина Александровна все так же эмоциональна и энергична, но в ее поведении и речи прослеживались уже осознанность и уверенность в действиях и мыслях: *Нет, — сказала Кити, покраснев, но тем смелее глядя на него своими правдивыми глазами...* [2, с. 374].

После свадьбы с Константином Дмитриевичем супруги переживают три месяца «притирок»: сначала ссорятся из-за пустяков, потом мирятся, испытывая *новое, удвоенное счастье любви* [2, с. 453]. Кити чувствительна и внимательна к мужу, который забирает все ее внимание, кроме того, она занимается обустройством быта. Молодая жена жизнерадостна и активна, беря все в свои руки, интересуется каждой деталью.

Когда Левин узнает о скорой смерти брата, княжна Щербацкая настаивает на поездке с Константином. Сначала муж противится ее желанию поехать вместе, и у них снова случается ссора. Кити говорит: *Вот, ты всегда приписываешь мне дурные, подлые мысли, — заговорила она со слезами оскорбления и гнева. — Я ничего, ни слабости, ничего... Я чувствую, что мой долг быть с мужем, когда он в горе, но ты*

хочешь нарочно сделать мне больно, нарочно хочешь не понимать... [2, с. 459]. Екатерина Александровна помогает Константину Дмитриевичу во всем: ухаживает за Николаем Дмитриевичем и заботится о нем, не чувствуя отвращения.

Анализ диалогов супругов помогает заключить, что находясь на пике эмоций, княжна уже не сдерживает себя в выражении чувств, но и желания сказать обидные слова нет, как было с сестрой Долли. Несмотря ни на что, она контролирует себя, что характеризует ее как сангвиника, а не холерика или меланхолика. В ее речи отсутствуют междометия, хотя изобилуют восклицания и иногда присутствует апосиопеза (умолчание), поскольку княжна не говорит бездумно. Непервое разногласие между молодой супружеской парой показывает, как при ярком эмоциональном всплеске Кити начинает использовать простые синтаксические конструкции, думается, чтобы усилить категоричность своих суждений и выразить досаду: *Так зачем ты женился? Был бы свободен. Зачем, если ты раскаиваешься?* — заговорила она, вскочила и побежала в гостиную [2, с. 459].

Для Льва Николаевича Толстого такая Кити Левина — воплощение деятельной любви, идеала женщины, жены и впоследствии матери, это образ чистоты, интуитивной мудрости и гармонии семейного очага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров, П.И., Парняков, А. В. Введение в клиническую психологию: Т. I.: Учебник для студентов медицинских вузов. — М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 416 с. — (Библиотека психологии, психоанализа, психотерапии).
2. Толстой, Л.Н. Анна Каренина: Роман. — М.: Мартин, 2016. — 768 с. — (Избранная классика).

УДК 82'1

С. П. Ошейко © 2026

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Ю.В. Шатин)*

ГОГОЛЕВСКИЙ КОД В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ГЕРОИНИ РАССКАЗА Г. И. УСПЕНСКОГО «ОБСТАНОВЧКА»

Ключевые слова: *Н. В. Гоголь, Г. И. Успенский, героиня, абсурд, быт.*

Творчество Н. В. Гоголя оказало значительное влияние на становление философско-эстетических концепций 1860-ых гг. Характер полемики и особенности творческого метода автора «Мертвых душ», которые не принимали писатели-демократы, наиболее полно охарактеризовал Н. Г. Чернышевский, отметивший у Н. В. Гоголя отсутствие «страстных и сознательных убеждений», а также неспособность распознать связь между «частными явлениями» и «общую систему жизни» и в то же время настойчивое желание «расширить границы своей сатиры»[1].

Однако, если социально обличительный пафос произведений Н. В. Гоголя писатели демократического направления признавали, хоть с некоторыми оговорками, то система художественных приемов, особенности конструирования сюжета и

принципы изображения человека в творчестве великого писателя, на первый взгляд, не соответствовали их дидактическим и идеологическим задачам.

Это несоответствие с наибольшей полнотой являет себя при анализе женских образов в творчестве Н. В. Гоголя. Так, если в «Вечерах на хуторе...» женщина напрямую выступает помощником черта, оказываясь либо ведьмой, либо покойницей, а связь красоты и сил зла демонстрирует невозможность человека противостоять искушению и ставит перед читателем вопросы о взаимодействии телесного и духовного, то в «Петербургских повестях», несмотря на большую укорененность женщины в социальных отношениях, она по-прежнему выступает орудием князя мира сего. Женщина становится воплощением городской стихии. Она, с одной стороны, обрекает мужчину на гибель своей красотой, пробуждая в нем несбыточные желания и обнажая миражность любых устремлений в мире, находящимся под властью сатаны, с другой — обнаруживает сопричастность быту, молве, глупости и пересудам, тем самым усиливая абсурд и ускоряя падение героя [2, с. 100 — 121].

О принадлежности Г. И. Успенского к лагерю писателей-демократов свидетельствует как сюжет рассказа «Обстановочка», так и система художественных приемов, в которой особую роль играют обличительные инвективы, натуралистические описания, балансирующие на грани гротеска, и портреты персонажей. Для придания большей объективности Г. И. Успенский атрибутирует идеологический пафос рассказчику. Знакомство и беседа рассказчика и героини демонстрируют ее глупость, заикленность на своих желаниях, неспособность понять окружающую действительность.

«Скажите, пожалуйста, — спросил я у жены хозяина: — зачем вы учите вашего сына французскому языку?

— Как зачем? Это ему годится в обществе, — ответила она, сконфузившись и мигнув по-институтски глазами.

— А жить он чем будет?..

Оказалось, что дети еще малы и "мы не думали с Ганей".

Я советовал учить ребенка какому-нибудь ремеслу, говоря, что класс людей, сидящих на общественной шее, и без того велик. Барыня слушала, поддакивала, улыбаясь, но, видимо, не понимала, что такое общество, общественная шея...

— Он будет получать жалованье! — вдруг произнесла она...» [3, с. 444].

В данном эпизоде переосмысление рассказчиком лексемы «институтка» усиливает сатирические коннотации и демонстрирует его общественную позицию.

Абсурд и натуралистичность усиливаются по мере знакомства рассказчика с бытом семейства. Оказывается, что именно жена определяет ритм семейной жизни, неизменно внося сумятицу, унижая окружающих и желая во всем найти выгоду. Речевая характеристика и агрессия, поразительным образом напоминают о ведьмах, в то время как заикленность героини на шиньоне из крепированных волос, который должен быть непременно легонький, обнаруживает интересную параллель с повестью «Нос».

В повести воздушность одежд «молодой дамы» символизирует ее возможную причастность к инобытийному началу: облик героини, сконструированный посредством использования романтической традиции и восточно-христианской мистической традиции описания Богородицы, прежде всего манифестирует низменные устремления Ковалева. «Ковалев совершенно смешался, не зная, что делать и что даже подумать. В это время послышался приятный шум дамского платья; подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая, в белом платье, очень мило рисовавшемся на ее стройной талии, в палевой шляпке, легкой, как пирожное ... Ковалев подступил поближе, высунул батистовый воротничок манишки, поправил

висевшие на золотой цепочке свои печатки и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легонькую даму ...» [4, с. 56 — 57].

В рассказе Г. И. Успенского именно героиня демонстрирует агрессию и в то же время жаждет публичного признания, для чего и собирает гостей на званый ужин. Желая самоутвердиться, она непрерывно бранится с кухаркой, руководит мужем и не замечает всего, что мешает исполнению ее прихотей, в том числе болезни детей и недостаток бюджета. Героиня «Обстановочки» берет на себя мужскую роль, а ее деятельность становится катализатором сюжета и во многом предметом рефлексии рассказчика.

И хотя рассказчик подробно не описывает внешность жены Гаврилы Ивановича «Жена училась в каком-то институте ... лепетала по-французски, была очень нежна, горда, как выражался муж, и притом недурна.» [3, с. 443]. Читатель понимает, что в ее стремлении покрасоваться перед окружающими и в ее манере общения сказывается отсутствие подлинной красоты и духовных ценностей.

Таким образом, если в творчестве Н. В. Гоголя женщина явственно сохраняет связь с трансцендентным началом, именно поэтому встреча с ней становится экзистенциальным испытанием героя и в редких случаях намекает на возможное перерождение (как в случае с Чичиковым), то в рассказе «Обстановочка» героиня становится жертвой быта и в то же время обеспечивает господство абсурда в повседневной жизни. Демон, искрошивший весь мир на множество кусков, уступает место людской глупости, отрицающей любые возможности духовного преображения и ставшей онтологической категорией в творчестве Г. И. Успенского, о чем явно свидетельствует образ жены Гаврилы Ивановича.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышевский, Н. Г. Сочинения и письма Н. В. Гоголя Издание П. А. Кулиша Шесть томов. СПб., 1857 // http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0130.shtml URL: <http://> (дата обращения: 11.02.2026). Режим доступа: открытый ресурс.
2. Кривонос, В. Ш. Повести Гоголя: Пространство смысла: моногр. — М.: Флинта, 2023. — 420 с.
3. Успенский, Г. И. Полное собрание сочинений: В 14 т. / [гл. ред. Н. Л. Мещеряков]. Т. 3. Разоренье. Очерки и рассказы. 1868 — 1873 / [ред. текста и коммент. И. И. Векслера]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С 752.
4. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: В XIV т. Т. 3. Повести — М.: Изд-во АН СССР, ин-т литературы (Пушкин. Дом), 1938. — 728 с.

УДК 821.161.1

К. Д. Привалова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. И. Бровец)*

КОНЦЕПЦИЯ ТОКСИЧНОЙ МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МУЖСКОГО ПОЛА

Ключевые слова: токсичность, маскулинность, токсичная маскулинность, характеристики токсичной маскулинности, концепция токсичной маскулинности.

В XXI веке наблюдается рост интереса молодёжи к литературе. Молодые читатели обсуждают художественные тексты, их смысловое содержание и отдельных персонажей. Мнения размещаются в популярных средствах массовой информации. В обсуждениях отмечается высокая повторяемость характеристики «токсичный» в отношении персонажей мужского пола. «Токсичный» зачастую применяется к мужчинам, используется для обозначения определённой поведенческой модели, не имеющей чёткого научного определения в сфере психологии. Термин в контексте личности в нормативных словарях не зафиксирован, функционирует элементом разговорного, сетевого сленга. Литературоведение не реагирует на подобные изменения читательского восприятия, не предлагает новых системных способов анализа подобных интерпретаций.

Возникает проблема: как интерпретировать, описывать характеристику «токсичный» по отношению к мужским литературным персонажам, какие поведенческие признаки позволяют говорить о наличии подобной модели.

Цель: предложить концепцию анализа мужских литературных персонажей, с опорой на гендерную теорию маскулинностей и представления о «токсичных» чертах маскулинности.

Объект: Евгений Онегин (роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин») (зачастую главный в дискуссиях).

Проанализирован ряд текстовых фрагментов, репрезентирующих предложенные черты «токсичной маскулинности».

Отбор научной литературы осуществлялся по принципам тематической релевантности, академической верифицируемости и понятийной строгости.

Результаты: Концепция анализа мужских литературных персонажей с точки зрения «токсичной маскулинности» предложена.

В работе изложена траектория анализа литературного образа через призму современных представлений о маскулинности и «токсичной» модели поведения. Методологически исследование строится на рассмотрении теории маскулинности, уточнении применения понятия «токсичный» к личности, выявлении поведенческих и мировоззренческих характеристик токсичной маскулинности, сопоставлении полученных критериев с образом героя. Особое значение придаётся учёту историко-культурного контекста эпохи; игнорирование факторов ведёт к искажению интерпретации текста.

Теоретическую основу составили работы критических исследований мужчин и маскулинностей. Маскулинность — социально сконструированная, исторически изменчивая конфигурация практик, ролей и культурных ожиданий, формирующая представление о нормативном мужском поведении [1]. Используется концепция множественности маскулинностей и категория гегемонной маскулинности, понимаемая как культурный идеал мужского поведения [4]. В русской традиции XIX века модель связывалась с дворянской средой, включала образованность, социальную респектабельность, рациональное самообладание, соблюдение светских норм, принадлежность к привилегированному образу жизни.

«Токсичность» — метафорическая категория социокультурного дискурса, обозначающая разрушительную модель взаимодействия личности с окружающими. В психологических исследованиях связывается с внутренним негативным монологом, склонностью к обесцениванию других, эмоциональной холодностью, стремлением к контролю, избеганием ответственности, хроническим недовольством и фиксацией на негативных аспектах взаимодействия [3]. На основе сопоставления данных характеристик с теорией маскулинности формулируется рабочее определение токсичной маскулинности как формы поведения, возникающей внутри гегемонной

модели. Выделено пять соответствующих характеристик концепции: *демонстрация интеллектуальной и социальной дистанции, эмоциональная закрытость, избегание ответственности, болезненная чувствительность к угрозе самолюбия и маскируемая иронией внутренняя неудовлетворённость.*

Анализ образа Онегина проводится с учётом социокультурной среды. Герой соответствует нормам гегемонной маскулинности своего времени. В поведении проявляются черты, соотносимые с характеристиками токсичной модели. Эти особенности проявляются в отношениях с другими персонажами. Например, в отношениях с Ленским дружеская привязанность сочетается с *внутренней отстранённостью и неспособностью к полноценному эмоциональному участию* (пример доказательства к характеристике 1): «Он слушал Ленского с улыбкой. / Поэта пылкий разговор, / И ум, ещё в сужденьях зыбкой, / И вечно вдохновлённый взор, — / Онегину всё было ново; / Он охладительное слово / В устах старался удержать / И думал: глупо мне мешать...» (глава II, строфа XV [2]).

Итог. Категория «токсичности» может быть использована как аналитический инструмент интерпретации литературных персонажей. Подход позволяет систематизировать интерпретации мужских образов в литературе и может быть использован в дальнейших литературоведческих и междисциплинарных исследованиях на пересечении филологии, культурологии и гендерных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслова, Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2018. — № 6. — С. 48-73.
2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. — 1833.
3. Рядинская, Е. Н., Ковальчишина, Н. И. Токсичное сознание как результат нарушений психологического здоровья личности // Казанский педагогический журнал. — 2022. — № 5. — С. 224-228.
4. Хитрук, Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию // Социологический журнал. — 2017. — № 4. — С. 8-30.

УДК 82-3

В. Г. Резанович © 2026
Учреждение образования
«Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»
(Научн. рук. — канд. филол. наук С. Ф. Бут-Гусаим)

ИМЯ КАК КУЛЬТУРОНОСНЫЙ ЗНАК В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: *оним, антропоним, личное имя собственное, языческое имя, христианское имя.*

Исследование именованности научно-популярной литературы характеризуется разноаспектностью анализа поэтонимов и направлено на понимание роли имени собственного в просветительском произведении, на рассмотрение реализации посредством онимов идейного и художественного замыслов автора. Цель представленного исследования — выявление культурно-исторической специфики

антропонимов просветительских произведений Владимира Орлова, Витовта Чаропко, Сергея Тарасова; определение основных закономерностей в выборе и использовании имён в научно-популярной литературе.

Создавая образы славной отечественной истории, писатели умело используют образно-изобразительные возможности собственных имён, которые являются ценным памятником материальной и духовной культуры славян.

Ядро ономастического пространства научно-популярной литературы — антропонимы. В произведениях современных белорусских писателей отражена архаичная модель мира, предполагающая тождество имени и природы его носителя. Наши предки верили в креативную сущность имени. Созидательная природа названия проявлялась в функционировании так называемых имён-пожеланий, которыми якобы предначертывалась судьба древних властителей. В языческую пору представители княжеских родов носили имена-композиции, которые определяли славный жизненный путь могущественных непобедимых владетелей: *Веслав, Изяслав, Мстислав, Предслава, Звенислава*. В. Чаропко представляет интересные версии происхождения имен знаменитых полоцких князей. По его мнению, «славянским является имя *Рогнеды*. Здесь наблюдаем древний славянский обычай (кстати, распространённый и в древней Германии) давать детям имя, в котором звучало бы для определения родства часть имени родителей. Так что имя княжны образовано от имени *Рогволода*. Символическое значение последнего имени могло указывать на то, что его носитель является “властелином рога”. В язычестве рог был символом земного плодородия, богатства. Если учесть это, то имя *Рогволод* можно объяснить как *повелитель богатства, богатый и щедрый человек*» [3, с. 11].

В X веке на славянских землях укрепляла свои позиции христианская религия, сложным образом взаимодействуя с языческими культами. Многие реальные исторические личности — князья и члены их семей — наряду с языческими, имели и христианские имена, что отражено в научно-популярной литературе. В очерке С. Тарасова «Евфросиния Полоцкая» в рассказе о судьбе и культурном наследии княжны-монахини упоминаются ее языческое и монашеское имена: «В городе каждый слышал необычную историю княжны *Предславы*, пожелавшей служить Богу» [2, с. 63]; *Офросинья* ж раба Христова сътяжавши крест сеи прииметь вечную жизнь съ всеми святыми» [2, с. 66]. В контексте очерка упомянуты также языческое (*Богшиа*) и христианское (*Лазарь*) имена прославленного ювелира: «Господи помози рабу твоему *Лазорю* нареченному *Богшии* сделавшему крест сеи церкви святого Спаса и *Офросиньи*» [2, с. 70].

На славянских землях с течением времени внедрялась христианская модель восприятия имени как духовной субстанции, воздействующей на носителя, формирующей особый психологический склад, как сакральной сущности, способной подчинять, направлять и обеспечивать помощь Высших сил человеку. Христианское восприятие имени отражено на страницах научно-популярных произведений. Так, Владимир Орлов повествует о том, что дочь прославленного Всеслава Чародея, приняв христианство, приобрела имя *Зоя* (от греч. ‘жизнь’). Семантика заряженного положительной энергией имени соответствует характеру героини. Предначертанная именем программа жизни была реализована дочерью прославленного князя, вошедшей в историю как знаменитая целительница, подарившая *жизнь* даже безнадежным больным: «*вместе с родственниками в Византию попала дочь Всеслава, в крещении Зоя. При императорском дворе состоялась встреча Зои с племянником кесаря и наследником престола Алексеем. Он так увлекся красотой и умом полчанки, что уже через месяц после появления той в Константинополе повел ее под венец. Зоя, войдя в императорскую семью, прославилась как прекрасная целительница, спасшая много*

безнадежно больных. Она оставила после себя книгу под названием “Мазі”. Это был первый медицинский трактат в Европе, написанный женщиной» [1, с. 89–90].

Совершать путешествие в прошлое читателю помогают персонажи, созданные фантазией автора. Как правило, такой прием используется в научно-популярной литературе, адресованной детям и подросткам. Придуманные автором герои называются именами, соответствующими времени развертывания действия. Так, персонажами цикла рассказов С. Тарасова «Буквы на камне» являются жители Полоцка XV века. Они носят как языческие (*Нежила* — имя-оберег от смерти), так и христианские имена (*Андрей, Иван*). Христианские онимы иноязычного происхождения приспособивались к грамматической системе старобелорусского языка, образуя формы, отражавшие социальный статус и возраст носителей онимов. Такие варианты использованы в контексте произведений С. Тарасова: «*Васька Алексеев из Кардашевской слободы любил в это время ловить за городом рыбу*» [2, с. 62]; «*Рядом с отцом Андрейка идет по узкой и грязной городской улочке*» [2, с. 74]. Писатель, создавая имена вымышленных персонажей, учитывал как содержательную сторону ономастического факта, так и его формальную сторону (структурно-словообразовательные особенности).

В просветительских произведениях исторической тематики отражены не только именованности древности, но и ощущение древним человеком мира через имя — неотъемлемую составляющую личности, которая программирует судьбу, защищает человека от злых сил, объединяет с семьей, родом, племенем. Многие антропонимы становятся «говорящими» именами, дефинитивная сущность которых раскрывается в контексте произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов, В. А. Тайны Полоцкой истории / В. А. Орлов. — Минск: Попурри, 2008. — 608 с.
2. Тарасов, С. Фрески: Очерки и рассказы / С. Тарасов. — Минск: Худ. лит., 2004. — 102 с.
3. Чаропко, В. Имя в летописи / В. Чаропко. — Минск: Польша, 1994. — 559 с.

УДК 82-3

М. Ю. Сивак © 2026
Учреждение образования
«Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»
(Научн. рук. — канд. филол. наук С. Ф. Бут-Гусаим)

АНТРОПОЭТОНИМЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: *оним, антропоэтоним, личное имя собственное, прозвище, фамилия.*

Онимы являются культуросносными знаками. Ономастическая система любого языка, в том числе и ономастикон художественных произведений, — интересный материал для понимания психологии и характера людей определенной национальности. Цель представленного исследования — систематизация структуры антропонимического пространства автобиографических произведений белорусских авторов с учетом исторических традиций белорусского именованности XX–XXI веков.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения литературного ономастикона в контексте новой лингвистической парадигмы, в центре внимания которой — отражение в языковых знаках национальной и региональной культуры. В работе впервые осуществлено комплексное лингвопрагматическое и ономапоэтическое описание именослова автобиографической прозы современных брестских писателей.

Материалом для исследования послужили произведения Василия Жуковича, Георгия Марчука, Николая Сенкевича. Открыто и проникновенно рассказывая истории своего человеческого и творческого становления, поднимая вечные проблемы предназначения человека на земле, живой памяти о тех, кого нет на этом свете, белорусские авторы воскрешают образы родных и близких людей во всем их человеческом богатстве. При этом писатели умело используют прагматический потенциал, национально-культурную информацию, образно-изобразительные возможности антропонимов.

Автобиографическое произведение представляет собой картину жизни, увиденную через призму личного опыта автора. Этот опыт накладывает отпечаток на отношение к жизни, на характер восприятия мира. Влияют на мировоззрение и творчество писателя прежде всего близкие, родные люди, идущие по жизни рядом с ним. Например, имена родных (матери *Марии*, бабушки *Насты*, прабабушки *Татьяны*, деда *Тимоха*) упоминаются в романе Г. Марчука «Цветы провинции». Внутренняя форма этих онимов может содержать важную информацию о литературном персонаже. Разумеется, не каждый читатель задумывается над этимологией имени героя. Между тем, этимологическая семантика антропонимов позволяет раскрыть важные грани художественного образа. Так, имя матери главного героя романа Г. Марчука «Цветы провинции» *Мария* происходит из еврейского языка и означает 'спасительная, великолепная'. Семантика заряженного положительной энергией имени соответствует характеру героини. Чистым, Божьим человеком является мать Адася: «Сердце твоя мать имела ангела» [2, с. 234]. Описание внутреннего мира и трагической судьбы героини наполняет имя положительной экспрессией. Так, *Мария* почитает родителей, отказывается, исполняя волю матери, от любимого. Женщина очень любит сына. Героиня уступает выгодное место работы девушке-сироте.

Персонажи художественных полотен Г. Марчука, В. Жуковича, Н. Сенкевича — жители Давыд-Городка, Столина, Заболотья, полесских деревень и местечек. Поэтому естественно и органично вплетаются в языковую ткань произведений писателей формы имен, отражающих черты народно-диалектного языка: оканье (*Олена, Юрко, Михалко, Иванко*), замену звука [ф] звуком [п] (*Прося*), звуком [х] (*Халимон*), наличие приставного [в] (*Вуляна*), приставного [г] (*Гэля*).

Запоминающиеся портреты персонажей создают «говорящие» фамилии. Писатели, постигая человеческую природу, нередко замечают созвучие между смысловой нагрузкой фамилии и сущностью его носителя. Николай Сенкевич отмечает сперва соответствие, а с течением времени дисгармонию между смысловой нагрузкой фамилии *Дарин* и характером человека: «Большие серого цвета глаза всегда излучали доброжелательность. И сама фамилия — *Дарин* — чрезвычайно подходила к его манере говорить, к привычке не обижаться, не затаивать в себе злость» [3, с. 160]. Правда, жизненные испытания превратили доброжелательного, незлобивого парня в угрюмого человека, который не может ужиться с женщиной, обижается на дочь и зятя и постоянно жалуется на жизнь: «Сочувствовать не хотелось, а наоборот вырывалась какая-то необъяснимая злость и на Михасеву — в цепочках и перстнях — дочь, и на самого Михася. Уже не *Дарина*, а, скорее, *Жалина* или *Бедака*, у которого так и не узнал за полтора часа ничего нового об этой жизни» [3, с. 175]. Фамилии

литературных героев позволяют писателям не только охарактеризовать и оценить персонажей, но выразить отношение к жизненному факту, событию, явлению.

Выразительную культурно-историческую специфику имеет такой разряд антропонимической лексики, как прозвища — дополнительные неофициальные имена, которые даются человеку в соответствии с его характерными чертами, обстоятельствами жизни, по происхождению и др. Показательным в этом смысле является жизненный эпизод, описанный в повести В. Жуковича «Как одна весна». Мальчик, придя в первый класс, во время переключки учеников впервые слышит фамилии односельчан, более известных ему по именам и прозвищам: «*Прежде всего учитель назвал Миронова (Чушбова) Андрея, затем — Вольчиного (Одесишиного) Толика, затем Соломонишиного (Жонокрадова) Леньку. Теперь я знаю их фамилии: Андрея — Козлюк, Толика — Королюк, Леньки — Мацкевич*» [1, с. 77].

Эмоционально-оценочная образность прозвищ и фамилий героев прозы брестских авторов обусловлена наличием принятых в обществе этических и эстетических норм. Важнейшими чертами антропонимического пространства автобиографической прозы брестских писателей является использование имен близких писателям людей, а также соответствие выбранных для идентификации и характеристики персонажей имен белорусскому антропонимикону второй половины XX — начала XXI веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукович, В. Как одна весна...: повесть / В. Жукович. — Минск: Худ. лит., 1980. — 272 с.
2. Марчук, Г. Цветы провинции : роман, новеллы, афоризмы / Г. Марчук. — Минск: Худ. лит., 2004. — 416 с.
3. Сенкевич, Н. И. Невозвратный путь: повесть, рассказы / Н. И. Сенкевич. — Брест: Альтернатива, 2012. — 220 с.

УДК 81

А. П. Судакова © 2026
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Н. Панчехина)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: этнокультурная лексика, этнолингвистика, диалектизм, лексико-семантическая группа, лексическая единица.

Современный мир переживает эпоху интенсивной глобализации, ускоренной цифровизацией и массовыми миграционными процессами. В этих условиях языки и культуры народов сближаются и сталкиваются с угрозой утраты собственной уникальности. Художественная литература остаётся одним из немногих пространств, где этнокультурная специфика сохраняется, осмысливается и активно транслируется новым поколениям читателей. В художественном тексте этнокультурная лексика (далее — ЭЛ) превращается в инструмент создания национального колорита, передачи мировидения, формирования идентичности и диалога культур.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в описанных условиях литература остаётся одним из главных пространств сохранения, осмысления и передачи

национально-культурной идентичности, противодействуя утрате локальных языковых и культурных особенностей народа.

Объектом исследования выступает художественный текст, в котором ЭЛ функционирует в составе художественного целого, выполняя различные стилистические, прагматические и смыслообразующие функции, а предметом — собственно лексические единицы.

Цель работы — раскрыть специфику функционирования ЭЛ в худ. тексте как механизма передачи национально-культурной идентичности, выявить ее стилистические и семантические особенности, а также определить роль в формировании мировосприятия читателя.

Этнолингвистика — «раздел языкознания, изучающий язык по отношению к национальной культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [2, с. 130]. Исходя из этого определения, под ЭЛ мы понимаем совокупность слов (лексем), отражающих взаимосвязь между языковыми и культурными явлениями, например, нем. *Spätnachmittag* — время около 6 вечера; татар. *балеш* — национальное блюдо, большой круглый пирог с начинкой; рус. *скородумки* — «на скорую руку, испеченные без дрожжей блины или пышки» [1].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в работах «Лингвострановедческая теория слова» (1980) и «Язык и культура» (1973) вводят понятие национально-культурного компонента в семантике слова. ЭЛ — это единицы, в значении которых присутствует лексический фон (совокупность «непонятных семантических долей»), отражающий специфику национальной культуры, истории, быта и общественного сознания конкретного этноса. Язык здесь выступает «хранителем духовных ценностей национальной культуры».

Лексический фон — это элемент семантики, не участвующий напрямую в классификации объектов, но фиксирующий культурный опыт этноса. Он имеет языковую природу (закреплён в коллективном сознании носителей) и объективируется через словари, тексты, опросы носителей и анализ межкультурных расхождений.

Очень ярко ЭЛ прослеживается в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Одной из единиц, составляющих ЭЛ, являются диалектизмы. Диалектная (или областная) лексика — «это часть не общенародной лексики, которая является характерной принадлежностью речи населения какой-либо местности, района, области» [3, с. 607]. В романе практически вся рассматриваемая ЭЛ представлена диалектизмами.

В статье Т. Н. Байрамгуловой рассматриваются приёмы использования диалектизмов в «Тихом Доне». Диалектизмы у Шолохова — не случайный набор деревенских слов, а точное отражение родной донской речи, которая проникает в авторские описания природы и служит образным поэтическим средством. Автор анализирует фонетические, морфологические, лексические и синтаксические диалектные особенности. Особое место занимают 96 этнографических диалектизмов, распределённых по восьми тематическим группам: названия одежды (*голощечина*), орудий труда (*арба*), домашней утвари (*баклага*), животных и растений (*будыль*), построек (*баз*, *балясина*), ландшафта (*буерак*), природных явлений (*крыга*, *марь*) и характеристик человека (*вяза*).

В данной работе уделяется внимание следующим лексико-семантическим группам слов: одежда (мужская, женская, ритуальная), обряды (семейные, военные и др.) и еда.

Лексико-семантическая группа «одежда» включает в себя следующие подгруппы:

- Мужская одежда:

- *Чирики* — мягкие кожаные туфли без каблуков, закрывающие ногу не выше щиколотки;
- *Учкур* — узкий ремень для штанов из сыромятной кожи или из конского волоса;
- Женская одежда:
 - *Исподница* — нижняя юбка/рубаха под верхнюю одежду, часто отороченная кружевом;
 - *Завеска* — женский передник, фартук без нагрудника;
 - Обрядовая одежда:
 - *Смертное* — одежда для усопшего, похоронный комплект: чёрная юбка, рубаха и матерчатые чирики и др.

Лексико-семантическая группа «обряды» включает в себя следующие подгруппы:

- Семейные:
 - Предсвадебье (сватовство): родители договариваются о браке (*усватали, гутарили, кладка* — подарки невесте от родителей жениха).
 - День свадьбы: венчание и свадебное застолье (*курень, чекалдыкнуть* — выпить).
 - Послесвадебье — упоминается как завершающая часть системы.
 - Военные:
 - *Справа* — подготовку к службе за свой счёт;
 - *Пернач* — знак атаманской власти;
 - *Пластуны* — пешие казачьи части.

Лексико-семантическая группа «еда» включает в себя следующие подгруппы:

- *Кулага* — Жидкое кушанье из ржаной муки, солода и сушеных фруктов
- *Каймак* — Густые пенки, снятые с кипяченого или топленого молока;
- *Щерба* — донская рыбная уха.

Таким образом, ЭЛ в художественном тексте выступает не просто стилистическим приёмом, а полифункциональным механизмом передачи национально-культурной идентичности. На материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» продемонстрировано, что лексические единицы с ярко выраженным национально-культурным компонентом образуют систему, в которой лексический фон становится смысловым и эстетическим центром повествования. Лексико-семантические группы «одежда», «обряды» и «еда» иллюстрируют, как ЭЛ одновременно выполняет характерологическую, композиционную, символическую и идентификационную функции, обеспечивая органическое единство авторской речи и речи персонажей, создавая цельный образ донского казачества и раскрывая его мировидение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, Н.И. Кулинарная книга. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.teanu.ru/2009/02/skorodumki.html> (дата обращения 16.02.2026).
2. Современный толковый словарь. — Изд. «Большая Советская Энциклопедия», 1997. — С. 6110.
3. Яковлева, Т. В. Этнокультуроведческая лексика как отражение языковой картины мира. / Т. В. Яковлева // Инновации в науке. — 2013 — №16-2 — С. 129-137.

Научное издание

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Материалы XIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых,
посвящённой памяти Г. И. Рихтера

Донецк, 30 марта 2026 года

Электронное текстовое издание

Сборник разработан с помощью программного
обеспечения Microsoft Office Word, Adobe Acrobat Pro

Подписано к использованию 20.04.2026.
Объем издания — 1,97 Мб.

Издательство ДонГУ
<https://donnu.ru/science/publisher>
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru
Тел.: +7 (856) 302-92-27, внутренний: 21-16, 33-25

ISBN 978-5-00262-009-8

9 785002 620098 >